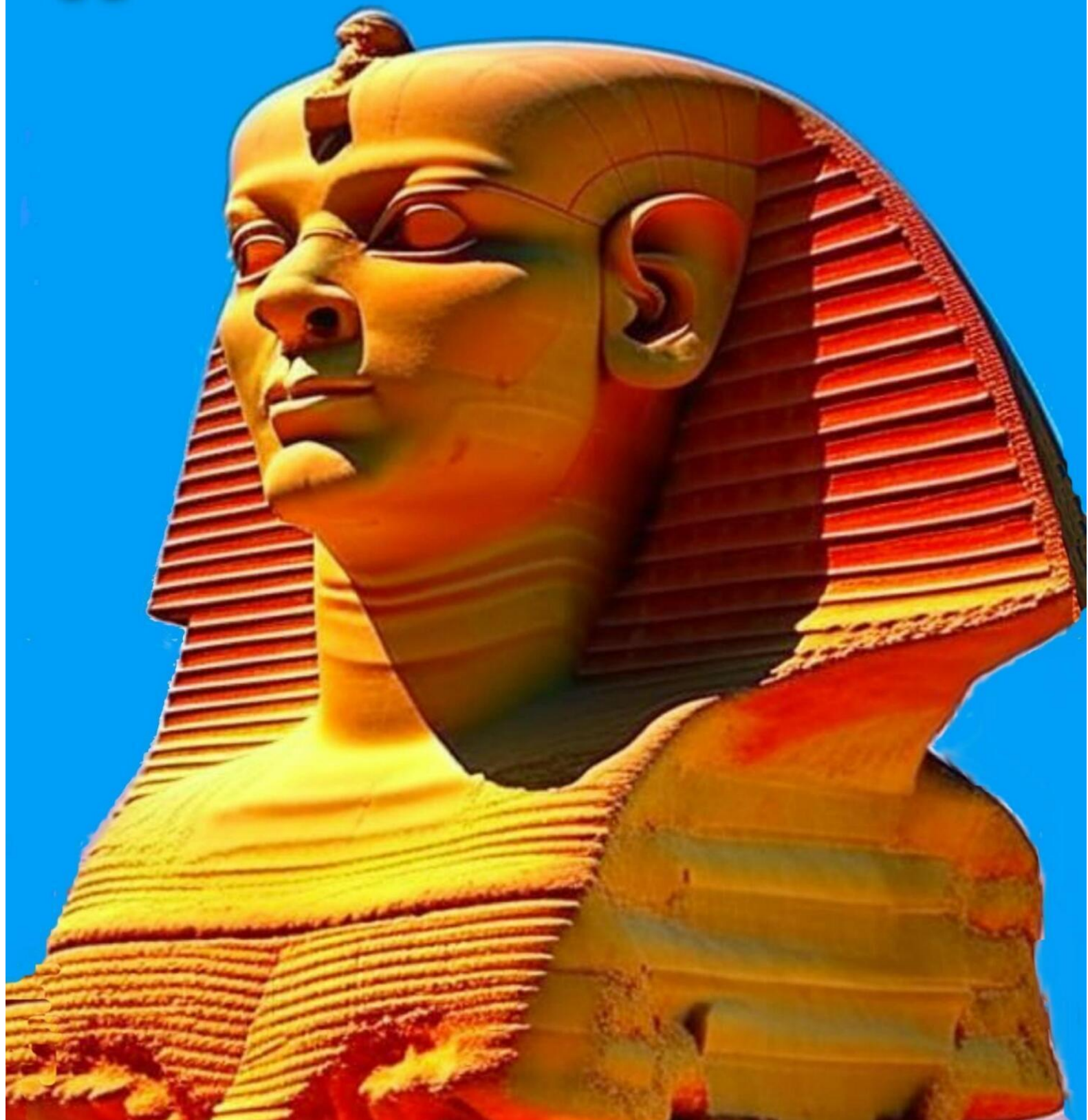

АННА ОВЧИННИКОВА

ЛЕГЕНДЫ И МИТЫ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Анна Овчинникова

**Легенды и мифы
Древнего Востока**

«Автор»

2023

Овчинникова А.

Легенды и мифы Древнего Востока / А. Овчинникова —
«Автор», 2023

Что было до греческой мифологии, до греческой культуры? Был таинственный, загадочный и невероятный Древний Восток с египетскими пирамидами, городами-государствами Междуречья и крепостями Ассирии. Был блистательный Гильгамеш. Было очень и очень много интересного... В книге популярно изложены мифы, легенды и история Древнего Египта, Ассирии, Шумера, Вавилона, хеттов, рассказано об истории археологических открытий. Беляевская премия за лучшую научно-популярную книгу года.

© Овчинникова А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ЕГИПЕТ	6
Вместо предисловия	6
В НАЧАЛЕ ВРЕМЕН	8
Вначале было... (Мемфисская космогония)	8
Все начиналось так... (Гермопольская космогония)	9
Все начиналось так! (Гелиопольская космогония)	10
Все начиналось именно так! (Фиванская космогония)	12
ВРЕМЯ БОГОВ	13
Бегство Тефнут в пустыню	13
Времена года	15
Борьба Ра с исчадиями мрака	16
Бунт людей против Ра	16
Вознесение Ра. Странствие двух ладей	19
Царствование Осириса и заговор Сета	23
Странствия Исида	24
Поиски частей тела Осириса. Рождение Гора	26
Трудное детство Гора	26
Семь скорпионов Тота	28
Битвы Гора и Сета	29
Тяжба Гора и Сета	30
Продолжение тяжбы. Хитрость Исида	31
Состязание Гора и Сета. Переписка с Осирисом. Конец распри	32
Царство Осириса и трудный путь в Дуат	35
ВРЕМЯ УЧЕНЫХ, АВАНТЮРИСТОВ И ЭНТУЗИАСТОВ	40
Художник Доминик Виван Денон	40
Лингвист Жан Франсуа Шампольон	42
«Гиена в гробницах фараонов» – Джованни Бельцони	44
Огюст Мариетт – создатель Каирского музея	46
ВРЕМЯ ФАРАОНОВ	48
Менес – объединитель Египта	50
Джосер – первый фараон Древнего царства и Имхотеп – инопланетянин и бог	51
Хеопс, Хефрен и Микерин – создатели пирамид-гигантов	52
Хатшепсут – женщина-фараон	56
Эхнатон – еретик и поэт	58
Фараон Тутанхамон и археолог Говард Картер	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анна Овчинникова
Легенды и мифы Древнего Востока

Восток – дело тонкое!

Федор Сухов

ЕГИПЕТ

Вместо предисловия

«Древнее египетских пирамид» – этим выражением пользуются, когда слово «допотопный» кажется слишком невыразительным и бледным, чтобы обозначить древность, которая уходит к самому началу существования человеческой цивилизации. К началу существования того, что мы сейчас именуем многозначительно-гордым словом «цивилизация».

Возможно, привычка соотносить любую седую древность именно с цивилизацией Египта берет свой исток в античных временах, а точнее – в Древней Греции, оказавшей такое огромное влияние на Древний Рим, а позднее – на средневековую Европу и на всю современную культуру.

Именно древние греки, с их жадной восприимчивостью ко всему новому, с их неумным любопытством и страстью к познанию никогда не упускали случая поучиться у мудрецов страны Та-Кемет, в сравнении с которой их Эллада могла показаться всего лишь несмышленным резвым ребенком рядом с седобородым важным мудрецом. Гиппократ, Солон, Платон, «отец математики» Пифагор, «отец истории» Геродот – все они посещали Та-Кемет, или Черную Землю, стремясь приобщиться к мудрости тысячелетий.

Сейчас мы называем Пифагора, Платона, Сократа «древними мудрецами», но сами они наверняка точно так же называли легендарных великих египтян: строителя первой египетской пирамиды Имхотепа, мудреца Снефру и ученого Джедефхора, сына фараона Хуфу. Ибо тот период истории, который кажется нам такой седой стариной (двадцать четыре века отделяют нас от времени Платона!) отделен еще большей бездной времени от начала истории Египта. А того же Платона отделяло, скажем, от архитектора Имхотепа опять-таки двадцать четыре века, то есть для Платона время, когда жил гениальный египетский архитектор, было столь же почтенной и труднообразимой древностью, какой для нас с вами является время самого Платона или его учителя Сократа.

Более того! По свидетельству Платона, когда Солон посещал египетский город Саис, этот город существовал уже восемь тысячелетий, а это значит, что (по представлениям тогдашних греков и египтян) Саис возник в IX тысячелетии до н.э. В платоновских «Диалогах» учение египетских жрецов возводится к религии легендарной Атлантиды, существовавшей, по Платону, в X тысячелетии до н.э.

Посетивший Египет в V веке до н.э. Геродот писал, что египтяне первыми стали воздвигать богам алтари, статуи и храмы... Но будучи, в отличие от Платона, не философом, а вполне добросовестным историком, Геродот не рискнул назвать дату появления первых людей и первых храмов в долине Нила.¹

Так когда же это все-таки произошло?

Сейчас принято считать, что предки египтян пришли в будущую страну Та-Кемет, или Та-Мери, из Сахары около IV тысячелетия до н.э.

В древнейшие времена Сахара вовсе не была песчаной пустыней, какой она является теперь, а представляла собой плодородную степь; однако к IV тысячелетию до н.э. климат Северной Африки изменился – и вот с иссохших, бесплодных нагорий в цветущую долину Нила переселился народ, родственник берберам, который современные ученые называют

¹ Геродот говорит лишь (со слов жрецов), что от царствования первого египетского фараона до конца эфиопского владычества прошло 341 поколение, принимая это время за 11 340 лет.

хамитами. При его слиянии с племенами протосемитов образовалась народность египтян – гибких смуглых людей с прямыми черными волосами...

А вслед за первыми людьми в долине Нила появились и первые боги.

Извечные вопросы людей: «Откуда возникло все сущее? Когда появился наш мир и как? Кто управляет миропорядком? Что ожидает человека по ту сторону земной жизни?» – тревожили египтян точно так же, как все другие народы. И как другие народы, египтяне рано или поздно находили ответы на эти трудные вопросы. Однако в стране Та-Кемет часто случалось так, что у одной загадки оказывалось сразу несколько различных разгадок.

В этом нет ничего удивительного: хотя труд на земле, каждый год заливаемой водами своенравного Нила, требовал совместного усилия многих людей, и первые оросительные каналы в долине этой реки начали сооружаться еще в V тысячелетии до н.э., Египет долгое время оставался раздроблен на множество небольших княжеств – номов. И в каждом из этих номов традиционно почитали *своих* богов и предлагали *свои* ответы на вопросы: «Откуда?», «Как?», «Когда?» и «Кто был первым?»

Однако время шло – так неспешно и величаво, как оно могло идти только в Египте, и постепенно мелкие номы объединились в два царства – Верхний и Нижний Египет. Прошло еще немного времени (совсем немного, не больше тысячи лет!) – и около 2900 года до н.э. легендарный фараон Менес объединил два эти царства в одно. С тех пор египетские фараоны начали носить корону, символизировавшую объединение страны: белый верхнеегипетский и красный нижнеегипетский венцы, вставленные друг в друга.

Правда, впереди были еще многочисленные смуты, были трудные времена, когда Египту пришлось вновь пережить раздробленность и упадок, но это произойдет потом... А пока что фараон Менес основал на границе Двух Земель столицу своего нового могучего царства – город Меннефер, то есть «Прекрасную Гавань», или «Прекрасную Обитель». Этот город, именовавшийся также Хет-Ка-Пта – «Дом души Птаха», греки называли Мемфисом, в Библии же весь Египет часто обозначается именно словом Мемфис.

Мемфису суждено было стать столицей эпохи Старого царства; но даже после того, как столицу перенесли в Фивы, он остался религиозным центром бога Птаха и официальной резиденцией некоторых египетских владык.

Итак – как же представляли сотворение мира и человека в Прекрасной Гавани, в Мемфисе, в столице самых древних египетских фараонов?

В НАЧАЛЕ ВРЕМЕН

...И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма почтенных лет: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» «Почему ты так говоришь?» – спросил Солон. «Все вы юны умом, – ответил тот, – ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род и никакого учения, поседевшего от времени. ...Между тем древность наших городских установлений определяется по священным записям в восемь тысячелетий.

Платон, «Тимей»

Вначале было... (Мемфисская космогония)

Вначале повсюду простирался холодный безжизненный океан Нун, утверждали жрецы Мемфиса, один только безбрежный океан – и ничего больше. Сколько времени продолжалась подобная безбрежная холодная тоска, жрецы умалчивают, да это и не главное. А главное то, что хотя у океана Нуна не было берегов, зато дно у него, вероятно, было, и состояло это дно из земли.

Птах – Земля – отличался от океана Нуна куда более деятельной и творческой натурой, и наконец подобное унылое положение дел перестало его удовлетворять. Птах решил воссуществовать, мало того – он решил сделаться богом!

Задумано – сделано: могучим усилием воли Птах создал из земли свою плоть, свое тело и, в соответствии с замыслом, стал богом, самым первым из когда-либо существовавших богов.

Быть первым, конечно, приятно, но быть единственным – это столь же тоскливо, как вовсе не быть! Да и творческая натура Птаха не могла удовольствоваться лишь созданием самого себя. Поэтому Птах решил призвать к жизни других богов, чтобы они помогали ему в созидании и чтобы было с кем разделить радость только что обретенного бытия.

На сей раз Птах попробовал другой творческий метод, а именно – творение Мыслью и Словом. Зародилась в сердце его мысль об Атуме, и возникло на языке его слово «Атум»; произнес Птах только что найденное слово – и в тот же миг бог Атум возник из океана Нун. (Нечто подобное можно найти в орфической теогонии, где первообразом мира является Слово-Логос, или в библейской истории о сотворении мира Богом Яхве: «Вначале было Слово...».)

Сын Птаха, Атум, сразу принялся помогать отцу в его работе и первым делом создал великую Девятку Богов – Великую Эннеаду. Однако именно Птах наделил их могуществом и божественной мудростью, воздвиг святилища и храмы, учредил празднества и жертвоприношения.

Но уж коли появились святилища и были запланированы празднества, возникла необходимость в тех, кто будет посещать эти святилища и участвовать в действиях, чтить богов и улаживать их слух молитвами, а взор – разнообразием этого мира... Поэтому самый интересный этап творения был еще впереди!

И создал Птах из тела своего все сущее, создал людей и зверей, заставил течь реки и нагромоздил горы, учредил номы и города. Птах сотворил работы и ремесла, сделал так, что боги вселились в свои статуи в храмах.

Сам Птах, его жена богиня Сохмет (почитавшаяся в образе львицы) и их сын Нефертум (бог растительности) составили Мемфисскую Триаду богов.

Мемфисцы считали, что Птах пребывает в теле всех живущих на земле созданий, таится в каждом одушевленном существе и неодушевленном предмете и наделяет всех людей частью своей творческой силы, которая позволила ему создать мир. А на том самом месте, где Птах творил мир, образовался великий город Мемфис.

Так полагали жители Мемфиса, превыше всех других богов почитавшие Птаха и считавшие свой город центром мироздания...

Но жители другого египетского города – Гермополя – были с ними решительно несогласны.

К концу Старого царства могущество фараонов Мемфиса значительно ослабло, номы вновь начали стремиться обрести былую независимость. К 2200 году до н.э. власть мемфисских фараонов сделалась чисто номинальной и реальная власть вновь перешла к владыкам отдельных княжеств.

Наступило время междусобиц, смут, беспорядков и голода; ирригация Египта пришла в упадок, каждый номарх почитал себя не ниже фараона, и иссякло прежнее почтение к божественным мемфисским фараонам и к их древней столице.

Мемфис утратил былое значение, а мемфисская космогония перестала считаться одной из главных космогоний Египта.

В те смутные времена власть перешла к городу Хенсу (Гераклеополю), а вместе с ним возвысился его союзник город Хмун, то есть Восьмерка. Эллины называли Хмун Гермополем, так как этот город был центром почитания бога Тота, которого древние греки отождествляли со своим богом красноречия и плутовства Гермесом.

У обитателей Гермополя, то есть Хмуна, было свое, совершенно отличное от мемфисского, представление о сотворении мира; они вовсе не считали Мемфис центром мироздания и «пупом Земли». Гермопольцы полагали, что

Все начиналось так... (Гермопольская космогония)

Да, вначале и вправду существовал Хаос в виде Первозданного Океана, но он не был абсолютно пустым. В нем таились силы разрушения: Мрак и Исчезновение, Пустота и Ничто, Отсутствие и Ночь. Но в том же самом Океане обретались и созидательные силы, а именно четыре пары богов, Великая Восьмерка, Огдоада. То были мужские божества – Хух (Бесконечность), Нун (Вода), Кук (Темнота), Амон (Воздух), выглядевшие как люди с головами лягушек, и женские их ипостаси – Хаухет, Наунет, Каукет и Амаунет – богини, похожие на женщин с головами змей.

Все эти боги плавали в Первозданном Океане; плескаться в компании было куда веселее, чем в одиночку, и им не было так тоскливо, как мемфисскому Птаху. К тому же силы разрушения – Мрак, Ничто и Ночь вносили разнообразие в существование Восьмерки, а Исчезновение с Пустотой придавали их плаванию элементы азарта и риска. Но все же такое групповое плавание в конце концов наскучило древним богам. Четыре пары богов решили, что им чего-то не хватает для полноты жизни.

Придя к этой мысли, боги, должно быть, потратили немало времени на дискуссию о путях решения возникшей у них проблемы. Когда изначальных творцов целых восемь, путь от замысла до его воплощения зачастую гораздо длиннее, чем тогда, когда творец всего один!

Но в конце концов члены большой Восьмерки достигли согласия и дружно взялись за дело: они подняли из воды Изначальный Холм и в полной темноте вырастили на нем цветок лотоса. Из цветка появился младенец Ра, прекрасное солнечное божество, осветившее весь мир, до той поры пребывавший во мраке. Увидев чудесный мир, греющийся под его благодатными лучами, маленький Ра заплакал от радости, и из его слез возникли первые люди...

А Восьмерка богов ликовала при виде своего ребенка, такого красивого, талантливого и одаренного, самого лучшего из всех детей, которым когда-либо будет суждено появиться на свет! Четыре бога и четыре богини наперебой называли Ра ласковыми именами, какими обычно родители называют своих малышей, и забавляли его сказками – ведь маленькие боги

нуждаются в сказках ничуть не меньше маленьких людей. Одной из таких сказок была история о том, как малыш Ра вылупился из яйца Великого Гоготуна, белого гуся, нарушившего своим криком вековечное безмолвие Хаоса Нуна...

Сказка о белом гусе была любимой сказкой юного Ра, но потом ее услышали люди и приняли за непреложную истину. С тех пор нильский гусь стал считаться священной птицей Амона-Ра.

Подросший Ра создал богов Шу и Тефнут, от Шу и Тефнут произошли на свет все другие боги, а чуть позднее (должно быть, еще через пару-другую сотен лет), на Изначальном Холме, где из слез Ра возникли первые люди, был построен город Гермополь.

Теперь понятно, чей именно город находится в центре мироздания и является пупом Земли?

Но далеко не всем египтянам было это понятно.

Самая распространенная в Египте версия о сотворении мироздания принадлежала другому городу – Иуну, или, как его называли древние греки, Гелиополю.

Этот город никогда не был столицей Египта, но с эпохи Старого царства и до конца Позднего периода он был важнейшим теологическим центром и культовым центром солярных² богов. Египетское название этого города – Иуну, что означает «Город Столбов» – намекает на широко распространенный там культ обелисков, греческое же название города недвусмысленно указывает на то, что в Гелиополе прежде всех других богов поклонялись Богу Солнца, которого в Элладе называли Гелиосом.

И обитатели солнечного города Гелиополя были совершенно уверены, что

Все начиналось так! (Гелиопольская космогония)

Все началось, конечно, с уже известного нам Хаоса – Нуна, бескрайней темной водяной пустыни.

Он существовал в холоде и безжизненной темноте наверняка не меньше, чем мемфисский Нун или Нун города Гермополя, но и его величавое одиночество в конце концов было грубо нарушено: из холодных темных вод, словно надутый мяч, выскочил солнечный бог Атум – первый из богов.

Атум так поспешил со своим появлением, что ему даже некуда было поставить ногу среди бескрайней воды, тщетно искал он клочок суши, куда можно было бы ступить. Но Атум недолго пребывал в растерянности: со свойственной ему находчивостью он создал Холм Бен-Бен – Изначальный Холм (не путать с лондонской башней Биг-Беном!).

Итак, твердь появилась, начало творению мира было положено. Но Атуму, как и всем другим первозданным богам, не хватало детей, не хватало соратников-богов, – и вот он изверг семя себе в рот и выплюнул Шу – бога ветра и воздуха, а вслед за тем изрыгнул и Тефнут, богиню мирового порядка. Несмотря на столь оригинальный способ деторождения, Шу и Тефнут вышли настолько пригожими, что даже угрюмый старик Нун при виде них в умилении воскликнул: «Да возрастут они!»

Однако вокруг все еще простиралась крошечная тьма, а у бога Атума не было опыта в присмотре за детьми; должно быть, он ненадолго отвлекся, и Шу и Тефнут, которые были очень резвыми малышами, потерялись в первозданном Океане.

Безутешный отец-Атум вырвал свое огненное Око и послал его на поиски детей, одновременно и позаботившись о розыске малюток, и наказав себя за беспечность. Но после некоторого раздумья Атум создал себе новое Око, причем остался так им доволен, что даже назвал

² Т.е. солярных, от лат. solaris – "солнечный".

его «Великолепным». Некоторые говорят, что первым Оком Атума было Солнце, а вторым – Луна, но не все с этим не согласны: ведь тогда непонятно, почему Луна удостоилась титула «Великолепный», а Солнце – нет?

Тем временем первое Око Атума упорно блуждало в поисках детей, пробивая мрак своим ослепительным сиянием, пока наконец не нашло божественных шалунов.

При виде вновь обретенных детей бог Атум заплакал от радости – его слезы упали на холм Бен-Бен и превратились в людей.

Но старое Око Атума было вовсе не радо: при виде нового Ока на челе Атума оно в ярости вскричало:

– Как! Я, не жалея времени и сил, ищу твоих пропавших детей, о нерадивый отец-одиночка, и так-то ты меня благодаришь?! Взамен меня ты уже завел себе другое Око! Может, тебе проще было бы завести и новых детей взамен пропавших, вместо того чтобы посылать меня на их поиски?!

Атум не мог не признать справедливости этих упреков, однако быстро нашел, чем утешить разгневанное Око: он поместил его себе на лоб и поручил быть своим хранителем, а также стражем установленного им и Тэфнут миропорядка. Такая награда вполне устроила верное Око Атума, с тех пор подобное Око носили в коронах все фараоны, унаследовавшие свою власть от богов. Око фараонов имело вид кобры и называлось уреем; говорили даже, что когда к фараону приближались враги, урею испускал лучи, испепелявшие злодеев на месте, точно так же как Око Атума испепеляло святотатцев, осмелившихся посягнуть на священную особу бога...

...Шло время, выросшие Шу и Тэфнут поженились, и у них родились близнецы: бог земли Геб и богиня неба Нут. Эти двое так сильно любили друг друга, что родились крепко обнявшимися, а когда выросли, то, по примеру своих родителей, сделались мужем и женой.

Очень долго Геб и Нут жили дружно и счастливо, но потом семейная идиллия супругов была нарушена из-за одной странной привычки Нут: она ежедневно поедала своих детей – звезды, а каждую ночь снова рождала их. Заметив это, Геб закатил супруге скандал: он был весьма консервативен в вопросах питания и считал, что поесть своих детей, даже если впоследствии ты снова их рождаешь, не к лицу хорошей матери и супруге. Однако Нут вовсе не собиралась отказываться от своей звездной диеты; ссора божественных супругов бушевала все сильнее и сильнее... пока не привлекла внимание папаши Шу.

Шу утихомирил супружеский скандал своих детей решительно, незамысловато и грубо: он попросту разъединил мужа и жену, разорвав их привычные объятия. Геба он оставил в горизонтальном положении внизу, а Нут поднял высоко вверх, так что она могла касаться супруга лишь кончиками пальцев рук и ног, дугой выгибаясь над ним. По сути дела, то был первый в истории мира развод, развод в прямом смысле этого слова, – в результате чего небо было отделено от земли, а количество звезд перестало сокращаться и прибывать, оставаясь с тех пор неизменным.

Но все же Нут ухитрилась даже после развода родить от Геба богов Осириса, Харвера, Сета, Исиду и Нефтиду, которые вместе со своими родителями и прародителями вошли в Великую Эннеаду, а потом...

Да-да, правильно – а потом на Изначальном Холме Бен-Бене был построен главный храм Гелиополя – храм Ра-Атума, а также сам город Гелиополь, Иуну, центр мироздания, пуп всей Земли!

Если кто-то решил, что теперь он наконец знает, где большинство древних египтян помещали то, что эллины называли омфалом³ – он явно заблуждается.

³ Омфал (греч. – “пуп”). Сами древние греки без колебаний помещали омфал в храме Аполлона в Дельфах, в Фокиде.

Потому что у Фив, великих Стюватных Египетских Фив, существовала своя версия о том, что и как происходило на заре времен.

Стюватные Фивы были известны уже с середины III тысячелетия до н.э., а после того как времена смут, раздробленности и беспорядков завершились новым объединением Египта, этот город сделался столицей возрожденного государства. Фивы (египетское название города – Уасет) оставались столицей Египта в периоды Среднего и Нового царства, и, как столица, не могли не выдвинуть своего варианта космогонии.

Фиванская космогония, как вы сейчас увидите, отличалась от Гелиопольской и Гермопольской простотой, краткостью и определенностью. Фиванские жрецы считали, что

Все начиналось именно так! (Фиванская космогония)

Амон, владыка земли, создал сам себя, выделившись из начальных вод, а потом из самого себя Амон сотворил все сущее: из его глаз появились люди, а из уст – боги, он научил людей строить города, древнейшим из которых стали, конечно же, Фивы. Воды и суша Фив были объявлены «первозданными», а сами Фивы, естественно, были провозглашены центром творения... Коротко и ясно, не правда ли?

Но впоследствии кое-кому это показалось чересчур кратким, и в эпоху Птолемеев, в III–I веках до н.э., возник новый, куда более смелый вариант фиванской космогонии, кое-где, на мой взгляд, даже граничащий с кощунством.

Согласно этой птолемеевской концепции, в начале мира существовал змей Кем-атеф (ипостась Амона), вероятно, очень долговечный и живучий, но все-таки не бессмертный. Умирая, змей завещал своему сыну Ир-та создать Великую Восьмерку богов. Ир-та выполнил волю отца – и новорожденная Восьмерка немедленно отправилась в путь к низовьям Нила, в Гермополь, где породила великого бога солнца Амона-Ра.⁴

Потом Восьмерка построила Мемфис и Гелиополь (видимо, только для того, чтобы было где родить богов Птаха и Атума), после чего восемь богов с сознанием выполненного долга вернулись в Фивы и там скончались. Богов похоронили в Мединет-Абу, в храме отца их создателя Кем-атефа, и учредили там культ умерших.

Таким образом, не только Гермополь, Мемфис и Гелиополь объявлялись более молодыми городами, чем Фивы (судя по тому, что Восьмерка после выполнения своей миссии *вернулась* в Фивы, Фивы были изначальной резиденцией змея Кем-атефа и его сына), но и сами боги Огдоады (т.е. Восьмерки) провозглашались смертными! Похоже, этих богов и создали-то лишь для того, чтобы они могли породить бога Солнца Амона и – попутно – Птаха и Атума!

Именно Амон-Ра стал главнейшим богом Фив, ему там поклонялись в облике барана, центром поклонения этому божеству был великолепный Карнакский храм. Амон-Ра, его жена богиня Мут и их сын Хонсу, лунное божество, составляли Фиванскую Триаду богов...

Но помимо Амона-Ра, Мут, Хонсу, Птаха, Атума, Геба, Шу и Нут в Египте во все времена было множество самых разных божеств, а еще больше было историй об этих божествах, когда-то не считавших зазорным ходить по земле рядом с созданными ими людьми.

Так давайте заглянем в египетское Время Богов – в то время, что еще «древнее пирамид», хотя и несколько моложе Первозданного Океана Нуна.

⁴ Первоначально Ра и Амон почитались как разные боги, но в период Нового царства их культы слились, и появилось единое солнечное божество Амон-Ра.

ВРЕМЯ БОГОВ

О богах я не могу знать, есть ли они или нет, потому что слишком многое препятствует такому знанию – и вопрос темен и людская жизнь коротка.

Протагор

Бегство Тефнут в пустыню

Тефнут, богиня дождя, была любимой дочерью Бога Солнца Ра и помогала ему поддерживать мировой порядок. Но однажды, когда Тефнут была еще очень молода, она поссорилась с отцом и убежала далеко на юг, в Нубийскую пустыню.

Лишившись дочери, Ра был безутешен, но еще хуже пришлось смертным обитателям Египта: едва Тефнут покинула страну, как там началась страшная засуха, солнечные лучи чуть ли не до дна прожигали Нил, и Великая Река обмелела, и пришли из Нубии песчаные бури. Посевы не могли взойти на лишенной влаги земле, люди гибли от жажды и голода, а рядом с ними гибли обессиленные звери и птицы.

Тогда великий Ра призвал к себе сына, бога ветра Шу, и сказал ему:

– Ступай в Нубию, разыщи там Тефнут и во что бы то ни стало приведи ее обратно!

Шу, который и сам тосковал по сестре, не заставил просить себя дважды. В облике льва он немедленно отправился в Нубию и вскоре отыскал Тефнут: превратившись в дикую кошку, она охотилась в пустыне на антилоп. Но как ни уговаривал Шу сестру вернуться в Египет, как ни пытался разжалобить ее рассказами о бедствиях, обрушившихся на страну в ее отсутствие, разгневанная Тефнут даже слушать его не пожелала.

Нарычав на брата, дикая кошка вернулась к прерванной охоте, а Шу ни с чем явился к отцу и рассказал ему, что Тефнут ни за что не желает покидать Нубийскую пустыню.

– Да, видно, урезонить мою дочурку должен тот, кто похитрее тебя, – в задумчивости промолвил Ра и послал за богом Тотом, мудрейшим из египетских богов.

А надо сказать, что эллины недаром отождествляли Тота со своим пронырливым богом Гермесом – Тот был настолько же разносторонен в своих талантах, как и Гермес Трисмегист – Трижды Величайший. Тота почитали как бога Луны и мудрости, как изобретателя письменности, геометрии, астрономии и календаря, как покровителя магии и медицины. Подобно Гермесу, Тот сопровождал души умерших в потусторонний мир и выполнял различные поручения других богов...

И сейчас этот бог со всем рвением взялся выполнять поручение Ра.

Тот превратился в маленького смешного павиана и легко отыскал Тефнут, по-прежнему забавлявшуюся охотой в самом центре Нубийской пустыни.

Почтительно поздоровавшись с богиней, Тот льстивым голосом стал убеждать ее вернуться: с уходом Тефнут радость покинула дом ее отца, все боги и люди Та-Мери тоскуют по ней, вся природа Та-Мери гибнет, лишившись живительной влаги... О, как возрадовались бы и боги, и смертные, если бы Тефнут смирила свою ярость и вернулась!

– Подумай сама, божественная, – уговаривал павиан, – не лучше ли тебе вернуться туда, где тебя встретят с величайшим почетом, вместо того чтобы в одиночестве терзать тощих пустынных антилоп?

Однако лесь Тота не подействовала на Тефнут, и пустыня задрожала от грозного рыка дикой кошки:

– Ты, ничтожный маленький павиан! Как ты смеешь указывать мне, могущественной богине, что я должна делать?! За такую наглость я разорву тебя на клочки, и даже мой отец Ра не сможет собрать их воедино и снова вдохнуть в тебя жизнь!

– О да, я верю, что ты сможешь это сделать, – притворившись ужасно испуганным, ответил маленький павиан-Тот, – только прежде чем ты начнешь рвать меня на части, не желаешь ли послушать сказку о том, что случается с кровожадными убийцами, одной из которых ты вознамерилась стать?

Тефнут, успевшая соскучиться в одиночестве, захотела послушать сказку и прорычала:
– Что ж, рассказывай!

«Пусть потешит меня своей сказкой, – подумала она, облизывая усы, – а съесть его я всегда успею!»

И Тот, призвав на помощь все свое красноречие, начал рассказывать о том, как жившие по соседству коршун и кошка однажды заключили друг с другом союз. Коршун поклялся никогда не нападать на котят кошки, а та в ответ пообещала не причинять зла его маленьким птенцам. Какое-то время оба союзника честно выполняли условия договора, но потом случилось так, что коршун ничего не добыл на охоте; тогда он отнял кусок мяса у котенка и отнес мясо своему птенцу.

– Так вот как ты соблюдаешь наш союз? – глядя вслед улетающему коршуну, воскликнула кошка, проворно взобралась на дерево и схватила птенца, пожиравшего украденное мясо.

Однако в последний миг кошка вспомнила о клятве не причинять зла птенцам коршуна, устыдившись, разжала когти... Но как только она это сделала, птенец в страхе выпрыгнул из гнезда и разбился насмерть.

Коршун вернулся с охоты, увидел у подножия дерева мертвого сына, в ярости напал на котят и скормил их своим коршунятам.

Тогда кошка в отчаянии воззвала к богу Ра, умоляя его покарать убийцу, и Ра услышал мольбу кошки. Он призвал к себе бога Возмездия и велел ему примерно наказать клятвопреступника!

Бог Возмездия оказался скор на расправу: он надоумил коршуна украсть кусок мяса, который человек жарил для себя на углях, и коршун принес мясо в гнездо, не заметив, что к добыче пристали тлеющие угольки. От горящих угольков гнездо коршуна вспыхнуло, и все его птенцы погибли в пламени...

Теперь ты видишь, о великая Тефнут, как карает твой отец тех, кто стремится пролить кровь своего ближнего?

– Хм, – в раздумье пробормотала Тефнут. – Я что-то не поняла, за какие провинности Ра покарал маленьких коршунят? К тому же – с каких это пор уродливая обезьяна вроде тебя смеет называться моим ближним? Но все же ты развлек меня забавной сказкой, маленький павиан, и, так и быть, я не обижу тебя! Даю тебе в этом клятву!

Павиан-Тот чуть заметно улыбнулся, радуясь первому успеху, и сразу принялся его развивать: он поднес Тефнут блюдо сладостной еды и снова начал расписывать, как тоскует по возлюбленной дочери старый Ра, как жаждет возвращения великой Тефнут весь Египет...

И в конце концов ему удалось-таки смягчить сердце гневной богини: растроганная словами Тота, Тефнут с трудом удержалась от слез. Она уже собиралась сказать, что немедленно возвращается домой... Но вдруг опомнилась и взревела от ярости.

Как! Ни отец, ни брат не смогли уговорить ее вернуться, а какой-то ничтожный маленький павиан чуть было не заставил ее переменить свое решение?! Сейчас она покажет этому пронице, на что способны когти и зубы грозной Тефнут! Сейчас она его!.. Сейчас...

Но тут богиня вспомнила, что не может сделать этого.

Да, она немедленно разорвала бы в павиана в клочья, если бы только что не дала клятву не причинять вреда маленькому хитрецу! Увы, как она могла быть настолько опрометчивой, почему она не следила как следует за своим языком?!

Тефнут в ярости ревела, вздыбив шерсть и взрывая когтями песок, а Тот, хотя вновь притворился до смерти напуганным, продолжал болтать как заведенный. Он рассказывал Тефнут

сказку за сказкой, историю за историей – до тех пор, пока та наконец не засмеялась, побежденная красноречием пройдох. Ее ярость и обида прошли, и она объявила о своем решении вернуться в Египет...

– Но, конечно, – поспешно добавила богиня, – я возвращаюсь туда по собственной воле, а не по воле какого-то болтливового павиана!

И Тефнут с Тотом двинулись в обратный путь.

Вся египетская земля ликовала, Нил снова наполнился животворной влагой, буйно зазеленели его берега. Люди встречали богиню радостными песнями и плясками, били в бубны, звенели систрами, распевали приветственные песни. В жертву Тефнут приносили гусей и газелей, ее возвращение отмечали реками вина и пива, ей подносили цветы и ветви финиговых пальм... Рыдающий от счастья Ра обнял свою дочь и устроил в ее честь роскошный пир, на котором одно из самых почетных мест по праву занял бог Тот, сбросивший шкуру маленького смешного павиана.

С тех пор каждый год по окончании сезона засухи люди Египта праздновали возвращение Тефнут – так же как эллины праздновали весной возвращение на землю Персефоны из Аида, финикийцы – воскрешение Адониса, а шумеры – возвращение из подземного царства бога-пастуха Думмузи.

Времена года

Бог Тот, первый египетский изобретатель, впридачу ко многим другим своим хитроумным выдумкам изобрел и времена года. Он разделил год на три части, назвав их Временем Разлива, Временем Выходов и Временем Урожая. Каждый из времен года Тот поделил на четверти – в результате получилось 12 месяцев по 30 дней в каждом.

Все были довольны установленным Тотом порядком, все, кроме богини Нут. Дело в том, что после ее развода с супругом она все-таки ухитрилась сожительствовать с Гебом по ночам. Узнав об этом, ее отец Шу страшно разгневался, а ее бабушка Ра наложил на внучку проклятье: отныне ни в один из 360 дней года Нут не могла родить ребенка.

Богине неба очень хотелось иметь детей, и она поняла, что только создатель времен года, мудрый Тот, сможет помочь ее беде. Нут до тех пор рыдала, заливая Тота сверху потоками слез, пока он не пообещал что-нибудь придумать.

Пообещать легко – но как обойти проклятие Ра?

Однако Тот быстро составил план действий, прихватил недавно изобретенную им игру *сенет* и полетел в гости к Луне. Он сделал вид, что просто случайно пролетал мимо и решил заглянуть к Луне, чтобы с ней поболтать.

Скучавшая в одиночестве Луна очень обрадовалась гостю, а Тот, обменявшись с хозяйкой приветствиями, предложил ей сыграть в сенет – это было что-то вроде современных шашек, но похитрее.

– Конечно, я сыграла бы с тобой, – ответила простодушная Луна. – Да только мне нечего поставить на кон!

– Как нечего? У тебя ведь полным-полно времени! – фыркнул Тот. – Год-то ведь измеряют по тебе, Луне! Вот и поставь на кон 1/72 часть каждого из 360 дней своего года. Даже если ты проиграешь, от такой малости лунный год почти не убудет, а если проиграю я, то расскажу тебе интересную сказку! У меня этого добра тоже пруд пруди!

Само собой, Луна вчистую проигралась опытному игроку Тоту, и окончательный выигрыш Тота составил ровно 5 дней.

После этого Тот создал новый, солнечный год, присоединив к нему 5 выигранных дней, – с тех пор лунный год стал на 5 дней короче, солнечный же год стал равняться не 360, а 365 дням. 5 новых дней Тот на всякий случай посвятил Ра, чтобы тот не вздумал проклясть и эти

дни тоже. Хитроумный Тот прекрасно понимал, что Ра не будет проклинять дни, посвященные ему самому.

Что ж, Бога Солнца обошли по всем статьям, и Ра ничего другого не оставалось, как позволить Нут родить по ребенку в каждый из пяти посвященных ему дней. Нут с радостью воспользовалась любезным разрешением деда и родила Осириса, Харвера, Сета, Исиду и Нефтиду.

Борьба Ра с исчадиями мрака

Наверное, еще ни одному верховному богу, как бы силен он ни был, не удавалось править миром спокойно, без смут и войн.

Так, эллинскому громовержцу Зевсу пришлось воевать с чудовищным стоглавым Тифоном и гигантами, финикийскому богу Баалу – сразиться с богом морской стихии Йаму и с властителем подземного мира Мотом...

Египетский Ра отнюдь не был исключением из этого правила.

Не так уж много времени прошло после его воцарения на небесном престоле, как ему пришлось вступить в бой со змеем Апопом, который задумал свергнуть и уничтожить солнечного владыку.

Ра бился с Апопом целый день, только к закату тяжело раненный Апоп отступил, нырнул в реку и уплыл в подземное царство Дуат залечивать полученные в потасовке с Ра ожоги и раны. После Апопа на власть Бога Солнца посягнул огромный крокодил Магу. Этому бунтовщику тоже не повезло, Ра пронзил его копьем...

Однако пример Апопа и Магу не отпугнул других исчадий мрака.

Вслед за Апопом и Магу на землю Египта хлынули бесчисленные орды чудовищ, в суматохе сотворения мира выбравшихся из Первозданного Океана Нуна. Орда за ордой порождения тьмы накатывались на Египет в облике гиппопотамов, крокодилов и других малосимпатичных животных. Не только Ра, но и остальные боги чуть ли не каждый месяц вынуждены были сражаться с новыми полчищами злобных бестий. Возможно, как раз в те суровые времена у египетских богов вошло в моду принимать обличья разных зверей, чтобы ни в чем не уступать на поле боя своим звероподобным противникам. «На войне, как на войне!» – решили боги и сами стали превращаться в крокодилов, бегемотов, шакалов и львиц.

Легко можно представить, как боги-соколы вели воздушную разведку, боги-быки выполняли роль тяжелой кавалерии, а боги-лягушки караулили дельту Нила, чтобы вовремя сообщать в штаб Ра о приближении новых вражеских сил.

Правда, эллины объясняли звероподобный облик египетских богов совсем по-другому: они считали, что бушевавший некогда по всему миру огнедышащий великан Тифон так напугал всех богов, что они превратились в разных зверей, пытаясь спастись от своего грозного противника. Но когда Зевс одолел Тифона и похоронил его в глубине земли под вулканом Этна, эллинские боги вновь приняли человеческий вид, – а вот боги Египта превратились в людей только наполовину, сохранив головы львов, шакалов, орлов и обезьян. Некоторые же весельчаки, вроде Тота просто забавы ради то и дело меняли облик, оборачиваясь по желанию то зверем, то птицей, то человеком.

Бунт людей против Ра

В долгих жестоких боях с исчадиями мрака великий Ра состарился, ум его притупился, волосы его стали цвета лазури, сила начала убывать.

Когда весть об этом дошла до людей, смертные ополчились против своего создателя и решили свергнуть Бога Солнца с престола, чтобы самим управлять миром. Люди собрали большое войско и двинулись штурмовать дворец Ра.

При виде движущихся к его дворцу вооруженных толп старый Ра немедленно созвал всех остальных богов.

Шу, Тефнут, Геб, Нут, Хатхор, Тот и даже старик Нун явились в чертоги своего повелителя, и Нун спросил:

– Скажи, владыка, зачем ты призвал нас к себе?

– Неблагодарные люди, созданные из моих слез, замыслили против меня мятеж, – горько пожаловался Ра. – Они уже приближаются к моему дворцу, и я хочу услышать ваш совет: как мне поступить с наглыми бунтовщиками?

– Что ж тут советовать? – удивился Нун. – Направь на них жгучие лучи твоего Ока-урея, и пепел этих людишек будет развеян по ветру!

Ра мысленно хлопнул себя по лбу: как же он сам об этом не подумал! Да, ему явно пора на покой, раньше он никогда не страдал склерозом! Но, дабы не уронить свое достоинство в глазах других богов, Ра медленно кивнул и важно ответил:

– Хороший совет, отец. Я так и поступлю!

С этими словами Ра обратил на войско мятежников солнечное Око, направив на них смертоносные лучи.

Но демарш Бога Солнца не имел успеха: подслеповатый старый Ра промахнулся, и лучи урея испепелили землю в стороне от войска людей. Мятежники продолжали наступать, рассыпавшись на небольшие группы и прячась за скалами и камнями. Ра не смог прожечь скалы, хотя напрягал свое Око до тех пор, пока оно не заслезилось.

– Нет, Ра, этим людей не проймешь! – наконец нервно воскликнул Геб. – Пусть лучше твоя дочь Хатхор расправится с бунтовщиками, да так, чтобы впредь никому из смертных неповадно было поднимать руку на богов!

Богиня Хатхор растерянно вышла вперед.

Она считалась богиней любви, музыки, пляски и веселья, покровительницей молодежи и матерей. Даже направляясь на военный совет, она взяла с собой свой любимый сistr, украшенный изображением кошки с человеческим лицом; ее походка была походкой танцовщицы, ее нежные руки никогда не держали оружия. Казалось, Хатхор меньше, чем кому-либо другому, было под силу справиться с надвигающимися на дворец ее отца вооруженными ордами...

Но все боги наперебой стали доказывать, что она отлично справится с подобным делом, ведь от любви до ненависти только шаг!

Хатхор поняла, что ей придется выполнить это тяжелое поручение, потому что все остальные боги не меньше Ра боятся обнаглевших до бесстрашия людей.

– Значит, вы хотите, чтобы я сражалась за вас?! – наконец сквозь слезы воскликнула Хатхор и отшвырнула в сторону сistr. – От любви до ненависти только шаг, говорите вы?! Хорошо, можете считать, что этот шаг уже мною сделан!

И Хатхор издала такой громовой рев, что боги в ужасе шарахнулись кто куда.

Тот проворно нырнул под трон Ра, когда огромная львица со вздыбленной гривой и оскаленной пастью возникла на том месте, где еще мгновение назад стояла нежная веселая красавица Хатхор... Даже Тефнут в самые худшие ее минуты в нубийской пустыне не выглядела столь кровожадно!

А львица Сохмет, которая только что была богиней Хатхор, громадными прыжками вырвалась из дворца Ра и обрушилась на армию людей, успевшую подойти совсем близко.

Сохмет рвала людей в клочья и с наслаждением пожирала их, она убивала смертных сотнями и тысячами, лакала теплую человеческую кровь и никак не могла напиться вдоволь.

Ра понял, что его дочь перебьет всех людей, если ее не остановить.

– Хватит! Довольно! – закричал он. – Мятежники обращены в бегство, ты можешь вернуться!

– Нет! – прорычала Хатхор-Сохмет, обращая ко дворцу измазанную кровью морду. – Мне нравится убивать, я еще не насытилась кровью этих жалких тварей!

И богиня снова кинулась на людей.

Мятежники бежали во все стороны, они пытались спастись вверх по реке, но Сохмет настигала их повсюду и убивала, убивала, убивала...

Ра понял, что скоро свирепая львица истребит весь человеческий род, и ему придется сотворять людей заново, что в его преклонные годы не так-то просто будет сделать.

– Посоветуйте же кто-нибудь, как ее остановить?! – гневно воззвал Ра к другим богам. – Вы хотели, чтобы Хатхор расправилась с людьми, ну так попробуйте теперь ее образумить, пока не поздно!

Никто из богов даже помыслить не мог, чтобы встать на пути кровожадной убийцы, но хитроумный Тот, который только что выбрался из-под трона Ра, мигом сообразил, как усмирить львицу-людоеда.

Тотчас гонцы помчались на остров Абу и принесли оттуда несколько тысяч мер красного камня диди. Ра велел истолочь камень в порошок, смешать его с самым крепким пивом и разлить темно-красную жидкость в долине, где утомившаяся Сохмет улеглась спать, чтобы с первыми лучами солнца завершить уничтожение человеческого рода.

Утром Сохмет проснулась, увидела вокруг багровые лужи и спросонья приняла их за кровь.

– Отлично, напьюсь-ка я перед работой! – воскликнула она и жадно принялась лакать красную хмельную влагу.

Львица быстро поняла, что жидкость отличается по вкусу от людской крови, но продолжала лакать – так понравился ей напиток. И вскоре Сохмет до того захмелела, что ей стало уже не до убийств.

– Ладно... ик! Так и быть, я подарю уцелевшим людям жизнь, – зевая, пробормотала она. – Пусть... ик... идут на все четыре стороны... А еще лучше – пусть присоединятся к моему пиру, выпивки здесь хватит на всех! А потом мы ик... споем и станцуем... Кстати, где мой любимый сестр?

С этими словами Сохмет крепко заснула – чтобы проснуться уже в образе Хатхор, нежной богини любви. Потому что если от любви до ненависти только шаг, то и обратный путь ничуть не длиннее. Недаром у египтян образ Хатхор то и дело сливается с образом Сохмет, а иногда с ними обеими отождествляется львица-Тэфнут.

С тех пор в Египте стал ежегодно праздноваться праздник Сохмет-Хатхор – «Владычицы опьянения». В этот день люди несли к изваяниям богини кувшины с крепким пивом и вином и пели прославляющую ее песню:

– Мерные наши удары – для тебя, Хатхор,

Мы пляшем для величества твоего,

До высот неба

Мы воздаем хвалу тебе.

Ведь ты владычица скипетров,

Владычица ожерелья и систра,

Владычица музыки,

Которая звучит для тебя.

Мы воздаем хвалу величеству твоему каждый день,

*С вечера до той поры, когда заря встает над землей,
Мы ликуем пред ликом твоим, повелительница Дендера,
Мы чествуем тебя песнопеньями.*

*Ведь ты владычица ликованья, повелительница пляски,
Ты владычица музыки, повелительница игры на арфе,
Ты владычица хороводов, повелительница плетенья венков,
Ты владычица баговоний, повелительница танцев.*

*Мы славим величество твое.
Мы воздаем хвалу тебе,
Мы возносим твою славу
Над всеми богами и богинями.*

*Ведь ты владычица гимнов,
Повелительница книг,
Великая обладательница знаний.
Хозяйка дома писцов.*

*Мы радуемся величеству твоему каждый день,
Сердце твое ликует, когда внимаешь ты нашим песням.
Мы радуемся, глядя на тебя каждый день, каждый день,
И наши сердца ликуют при виде тебя.*

*Ты владычица венков, повелительница хороводов,
Владычица беспредельного опьянения,
Мы ликуем перед тобой, мы играем тебе,
И твое сердце радуется тому, что совершаем мы для тебя.⁵*

Вознесение Ра. Странствие двух ладей

Хотя Ра и удалось расправиться со своими врагами, царствовать дольше над миром стало ему невмозможным. Ра решил удалиться на покой; он снова призвал богов в Великий зал и объявил им о своем намерении.

Как ни просили боги солнечного владыку остаться, Ра был непреклонен, и наконец Нун со вздохом проговорил:

– Что ж, будь по-твоему, сынок. Ты хорошо потрудишься и заслужишь отдых. Пусть Нут превратится в небесную корову и возьмет тебя на спину, а Шу поднимет вас наверх, как он некогда поднял Нут, оторвав ее от Геба.

Нут послушно превратилась в корову, Ра уселся на ее спину, и Шу вознес их на небеса.

Некоторое время Ра спокойно отдыхал, пока внизу Обеими Землями правил его внук Геб. Но у многодетного Геба слишком много времени уходило на семейные дела, поэтому он сделал своей советницей и правой рукой энергичную богиню справедливости Маат. Целыми днями Геб занимался воспитанием детей (больше всего хлопот доставлял ему буйный строптивый Сет), а Маат тем временем деятельно хлопотала, наводя в мире новый порядок.

Богиня справедливости окружила мир высокими горами, поддерживающими небесную реку, и создала две ладьи: Манджет – дневную и Мескетет – ночную. Дневная ладья, по замыслу

⁵ Перевод А.Ахматовой.

Маат, должна была перевозить Солнце с востока на запад, а ночная – доставлять Ра по подземной реке через царство мертвых Дуат обратно на восток, к месту его восхода.

Вскоре обе ладьи были готовы к спуску, теперь дело оставалось за малым: получить согласие Ра.

Ра отнюдь не обрадовался, узнав, что ему на старости лет предстоит столь длинное путешествие. Он долго отнекивался, ссылаясь на морскую болезнь, но упрямая богиня не отставала. Маат заверяла, что странствие на обеих ладьях будет просто приятной прогулкой, что Богу Солнца и делать-то ничего не придется – только сидеть на золотом троне да гордо сиять уреем! В конце концов старый Ра еще немного поворчал и махнул рукой в знак согласия.

Ладья Манджет оказалась очень милым суденышком, правда, несколько перегруженным. Кроме Ра и его золотого трона в плаванье по небесной реке отправились Маат и Хатхор, Тот и Хека, Онурис и Шу. Места на веслах заняли дюжие боги Ху, Сиа, Сехем и Хех⁶ – и ладья пустилась в свой первый рейс.

Сначала все шло как по маслу. Ра успел даже задремать на золотом троне, но вскоре его сон был грубо прерван: едва Манджет достигла середины небосклона, как из небесной реки вынырнул старый знакомец Ра, змей Апоп, и с шипением вцепился зубами в борт. Со времени стародавней битвы с Богом Солнца Апоп залечил раны, стал в два раза длиннее и явно жаждал реванша.

– И это ты называешь приятной прогулкой, Маат?! – возопил Ра, от толчка чуть не свалившись с трона. – Да это же Апоп! Откуда он тут взялся?! – протерев глаза и признав старого противника, ахнул бог. – Бей его, друзья! Бей ползучего гада!

Шу, Анурис, Маат и Тот и без того лупили Апопа и в хвост, и в гриву. Ра со своего трона подбадривал сражающихся криками, время от времени обжигая Апопа лучами урея. Перевес был явно на стороне экипажа ладьи, и в конце концов гигантский змей нырнул обратно в реку, прихватив в качестве сувенира кормовое весло.

– Уф, давно уже я так не развлекался! – потирая руки, проговорил Ра. – Но все-таки, Маат, я надеюсь, впереди нас поджидает немного подобных сюрпризов?

– Да, владыка! То есть, нет... Конечно, нет! Не понимаю, откуда здесь взялся этот реликт! – поправляя разорванное схенти, виновато откликнулась Маат. – Но больше подобного не повторится, клянусь твоим сияющим Оком! Вот увидишь, наш дальнейший путь будет приятен и легок, как путь пушинки на нежном ветру!

– Гхм, – с сомнением пробормотал Ра и снова задремал.

Его разбудил дикий многоголосый вопль, подбросивший Бога Солнца на локоть в воздух:

– *Сотворил ты павианов,*

Да поют они тебе,

Да пляшут они перед тобою,

*Да восклицают они восхваления тебе!!!!*⁷*

– А? Что такое? – пробормотал Ра, судорожно протирая урей.

– Тебя приветствуют священные горные павианы, великий владыка! – льстиво пояснила Маат, с трудом перекрикивая пение обезьян. – Ладья уже причалила к западным горам, соблаговолит теперь перейти в ладью Мескетет, которая доставит нас в подземный мир!

– Да-да, конечно! – забормотал Ра, поспешно слезая с трона. – Пойдемте скорей в подземный мир, пойдемте куда угодно, только бы эти ужасные животные не последовали за нами!

Ра и его экипаж заняли место в ладье Мескетет, врата Загробного Мира закрылись за ее кормой, и хор павианов стих.

⁶ Ху – Воля, Сиа – Разум, Сехем – Энергия, Хех – Вечность.

⁷ Здесь и далее переводы, помеченные звездочкой, принадлежат М.Матье.

Ра облегченно вздохнул, опустил ладони, прижатые к ушам – и вдруг заметил, что вокруг его трона обвивается чудовищный змей.

– Апоп! – взвизгнул Ра, направляя на змея урей, но Маат поспешно успокоила:

– О нет, владыка, не волнуйся! Это гигантский змей Мехен-та, который будет охранять нашу ладью во время плавания через Дуат. Мехен-та и волк Упуаут позаботятся о том, чтобы в Дуате твой покой никто не посмел потревожить!

Ра скептически хмыкнул, подозрительно посмотрел на волка Упуаута, который, ковыряя зубочисткой в острых зубах, занял место на носу ладьи, но ничего не сказал. Гребцы Ху, Сиа, Сехем и Хех сильнее налегли на весла – и ладья скользнула во мрак и безмолвие подземного мира.

Вскоре Ра убедился, что в Дуате царит куда больший порядок, чем на небесах: вся подземная река была перегорожена воротами, ладья Мескетет то и дело останавливалась перед очередной преградой. Как пояснила Маат, всего подземных врат было двенадцать, и Ра не рискнул спросить, от кого охраняют Дуат их мощные створки.

Впрочем, пока вокруг было тихо и мирно, только гребцы Ра время от времени зычно окликали привратников, да лязгали массивные запоры, да раздавался вдали чей-то заунывный плач...

Престарелый бог, убаюканный мерным движением ладьи, снова начал клевать носом, но сон его как рукой сняло, едва ладья Мескетет доплыла до захоронений.

Умершие толпами высыпали из гробниц, приветствуя солнечного владыку, и орали они еще кошмарнее, чем павианы.

– *Слава тебе, Ра!* – горланили мертвецы. —

Поклоняются тебе обитатели Дуата.

Восхваляют они тебя, грядущего в мире(...)

Ликуют сердца подземных,

Когда ты приносишь свет обитающим на Западе.

Их очи открываются, ибо они видят тебя.

Полны радости их сердца,

Когда они смотрят на тебя,

Ибо ты слышишь молитвы лежащих в гробах,

Ты уничтожаешь их печали

И отгоняешь зло от них прочь.

Все спящие поклоняются твоей красоте,

Когда твой свет озаряет их лица.

Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,

*И каждый вновь ложится в свой гроб!..**

– Давно пора! – с надеждой откликнулся Ра на последнюю строчку. – Нет, Маат, этим путешествием ты загонишь в гроб меня самого, честное слово!

– Тебе не понравился гимн, владыка? – удивилась Маат, делая пометки в свитке папируса. – Хорошо, тогда мы изменим слова!

Ра затрясся от гнева и испепелил бы ее уреем, будь Маат смертной женщиной, а не богиней.

А ладья плыла дальше мимо гробниц, и все новые умершие высыпали из своих саркофагов, чтобы поприветствовать Бога Солнца. Только в четвертой долине Дуата звуки сводного хора мумий затихли вдали, вновь воцарилась блаженная тишина, и Ра принялся считать ворота в нетерпеливом ожидании конца путешествия.

Вот впереди показались последние, двенадцатые врата подземного мира, Ра облегченно вздохнул... Но вдруг ладью потрянул мощный толчок, от которого волк Упуаут проглотил свою зубочистку.

– Что случилось? Почему встали? – осведомился Ра.

– О владыка, змей Апоп выпил всю воду из подземной реки, – дрожащим голосом отзывалась Маат.

– Апоп? Снова он? Откуда здесь взялся этот супостат? И на что тогда нужны все эти ворота, если любой гад может через них проползти?!

Маат ничего не успела ответить на гневные вопросы солнечного владыки: перед ладьей взвихрился песок, и неутомимый реваншист Апоп с жутким шипением вдохновенно ринулся в бой.

Вновь закипела жестокая схватка, в которой особенно отличились Упуаут, Шу и Сехем. Бог магии Хека предпочитал держаться в стороне от драки, он поражал противника словесно, приговаривая заклинание:

– *Сгинь, Аноп! Пропади, Аноп! Сгинь, Аноп! Пропади, Аноп! Это Ра и его Ка, это фараон и его Ка. Прибывает Ра – могучий. Прибывает Ра – сильный. Прибывает Ра – возвышенный...*

– Что это с ним? Никак, заговаривается! – озабоченно заметил Ра.

– *Прибывает Ра – великодушный. Прибывает Ра – ликующий...* – громко восклицал бог магии.

– Конечно, я ликую! – Ра с трудом увернулся от стремительного выпада Апопа. – С чего бы мне не ликовать – я всю жизнь мечтал о таком спокойном и мирном отдыхе!

– *...Прибывает Ра – прекрасный. Прибывает Ра – царь Верхнего Египта,* – продолжал причитать Хека. – *Прибывает Ра – царь Нижнего Египта. Прибывает Ра – божественный. Прибывает Ра – правогласный...*⁸

То ли это заклинание лишило противника сил, то ли Апоп еще не полностью оправился после небесной схватки, но вскоре ползучего агрессора пронзили копьями, заставили изрыгнуть всю проглоченную воду, и ладья последовала дальше.

Весь оставшийся путь Ра хранил гордое молчание.

Он ничего не сказал, даже когда ладью окружили утопленники, оставшиеся без погребения и лишённые скудных радостей загробной жизни. Ра небрежным взмахом руки даровал им погребение, о котором они молили, хмуро посмотрел на Маат, но никак не прокомментировал сей инцидент. В том же гордом молчании Бог Солнца выслушал объяснение Маат, что их ладья должна проплыть сквозь утробу исполинского змея, чтобы снова попасть из Дуата на небо. Без единого слова Ра вынес малоприятное путешествие сквозь внутренности гигантского пресмыкающегося, рядом с которым Апоп и Мехен-та казались просто земляными червяками...

Только покинув причалившую к краю неба ладью и смыв с себя в ближайшем озере следы пребывания в змеиной утробе, Ра в сердцах изрек:

– Да чтобы я еще когда-нибудь принял участие в твоих увеселительных поездках, Маат! Чтобы я еще раз внял твоим уговорам!..

...С тех пор Ра каждый день странствует по небосводу в ладье Манджет, а ночью пересекает Дуат в ладье Месктет, вновь и вновь сражаясь с недобитым злодеем Апопом.

Иногда Апопу удается временно одержать верх над Ра – тогда на Египет налетает буря, порой же Апоп исхитряется даже проглотить небесную ладью – и наступает солнечное затмение. Но потом солнце показывается снова, Апоп в который раз обращается в бегство, а экипаж Ра продолжает свой путь, распевая гимн, который сочинила Маат:

– *Обессилены дети восстания,*

Ибо стал Ра владыкой над ними,

Пали подлые под ножом его,

И змей изрыгнул поглощенное.

Встань же, о Ра, в святилище своем!

⁸ Перевод О.И.Павловой.

*Силен Ра,
Слабы враги!
Высок Ра,
Низки враги!
Жив Ра,
Мертвы враги!
Сыт Ра,
Голодны враги!
Напоен Ра,
Жаждут враги!
Вознесся Ра,
Пали враги! (...)
Есть Ра,
Нет тебя, Апоп!**

– Завтра я покажу вам, есссть я или нет, – шипит Апоп, уползая в Дуат залечивать раны. – Завтра я ссддеру урей ссс вашшего ссстарикана Ра!

Но поскольку Апоп всегда грозитя и ругается в прозе, его слова не имеют такой силы, как вдохновенный боевой гимн богини Маат.

Царствование Осириса и заговор Сета

Первым ребенком, которого Нут родила в посвященные Ра дни, был Осирис.

Осирис возвестил о своем появлении на свет звонким плачем, и на плач его тотчас откликнулся голос с небес:

– Вот пришел в мир Осирис, повелитель земли, великий владыка, призванный творить добро!

Брат Осириса Сет, еще в утробе матери мечтавший о власти, нетерпеливо рвался наружу, но лишь на третий день ему удалось пробить дыру в материнском боку и выйти.

Длинноухий, красноглазый, рыжеволосый Сет испустил вопль ярости, узнав, что Осирис опередил его и по праву первородства стал наследником их отца Геба.

На четвертый день Нут родила Исиду (которую часто считали дочерью Тота, а не Геба), а на пятый день – богиню Нефтиду, будущую покровительницу умерших.

Когда дети Нут выросли, Исида, богиня домашнего очага и великая чаровница, стала женой Осириса, а ее сестра Нефтида вышла замуж за Сета.

Геб процарствовал 1773 года, после чего ему наследовал Осирис, сделавшийся владыкой Верхнего и Нижнего Египта. В отличие от Ра и Геба, не очень-то обращавших внимание на людей, Осирис деятельно взялся за организацию жизни смертных. Он научил людей ирригации и культурному землепользованию, установил справедливые законы, с помощью Тота обучил египтян письму, внедрил в Обеих Землях разные ремесла, позаботился о развитии рудного дела и металлургии.

Осирис и его правая рука Тот привели Египет к процветанию, и люди не уставали славить доброго царя:

*– Слава тебе, Осирис,
Владыка вечности, царь богов!
Многоименный,
Дивный образами.
...Растут растения по воле его,
И родит ему поле пищу.
Покорно ему небо и звезды его,*

*И открыты ему врата великие.
Владыка восхвалений в небе южном
И прославлений в небе северном!..**

Наведя порядок в Верхней и Нижней Землях, Осирис оставил царствовать в Та-Мери свою супругу Исиду, а сам отправился в другие страны, чтобы и тамошние дикие народы научить уму-разуму...

И все это время Сет завистливо следил за успехами брата, вынашивая мечты о захвате власти. Он бы завладел трон Осириса в его отсутствие, но Исиды, зная коварную натуру Сета, бдительно следила за братом, и богу пустынь и раскаленных ветров приходилось, скрежеща зубами, дожидаться подходящего случая.

Этот случай настал, когда Осирис завершил свою цивилизаторскую миссию и вернулся в Египет. Пока Осирис отсыпался с дороги, слуги Сета прокрались в его дом и сняли со спящего бога мерку. По этой мерке искуснейшие мастера изготовили деревянный сундук, изукрашенный золотом и драгоценными камнями.

Вскоре Сет устроил у себя во дворце роскошный пир; были приглашены Осирис и множество других гостей. Исиды в числе приглашенных не было: избавившись от хлопот, связанных с управлением страной, богиня отправилась навестить старика Ра.

Пир был в самом разгаре, когда Сет велел вынести сверкающий украшениями сундук. Все пирующие глаз не могли оторвать от чудесной вещи, а хозяин предложил веселое развлечение: пусть все по очереди ложатся в сундук – кому он придется впору, тот и получит его в подарок.

Забава пришлась разгоряченным вином гостям по вкусу.

Один за другим все ложились в великолепный ящик, но каждый раз оказывалось, что он либо слишком короток, либо слишком узок, либо слишком широк... Потому что с самого начала это сокровище было задумано, как гроб для царственного брата Сета – но знали об этом только сам Сет да еще несколько примкнувших к нему заговорщиков. Даже свою жену Нефтиду злодей не посвятил в заговор, зная, что она не позволит причинить зло их брату Осирису.

Но вот наконец очередь дошла до самого Осириса – и как только он лег в сундук, Сет подал знак сообщникам, которые быстро захлопнули крышку, заколотили ее и бросили гроб в устье Нила.

– Наконец-то!!! – от торжествующего крика Сета знойная буря пронеслась по всему Египту. – Теперь я – царь!!!

Странствия Исиды

Исида, сестра и жена Осириса, услышала радостный вопль Сета, бросилась искать своего мужа, но нигде не могла его найти. Напрасно она ломала руки и звала:

– Я – женщина, прекрасная для своего мужа,

Жена твоя, Сестра твоя,

Приди ко мне скорее!

Потому что я жажду узреть тебя

После того, как не видела лица твоего.

Тьма вокруг нас, хотя Ра на небесах.

Небо смешалась с землей. Тень легла на землю.

Сердце мое горит от злой разлуки.

Сердце мое горит, потому что стеною отгородился ты от меня,

Хотя не было зла во мне.

Оба наши города разрушены, перепутались дороги,

Я ищу тебя, потому что жажду видеть тебя.

Я в городе, в котором нету защитной стены.

Я тоскую по твоей любви ко мне.

Приходи! Не оставайся там один! Не будь так далек от меня!⁹

Нефтида тоже тщетно искала Осириса, пока наконец дурные подозрения не заставили ее допросить с пристрастием слуг своего буйного мужа.

И тогда Нефтида узнала, что лишилась брата, а Исида – что стала вдовой.

С горестным криком обе сестры обратились в птиц: одна – в птицу Хат,¹⁰ другая – в соколицу и полетели искать гроб с телом Осириса.

Но гроба уже не было в Египте: воды Нила вынесли его в море, и волны прибили сундук к побережью, где стоял великий финикийский город Библ. Выброшенный прибоем на сушу гроб остался лежать возле маленького ростка тамариска; год проходил за годом, побег тамариска разросся в могучее дерево, и последнее пристанище Осириса оказалось заключенным внутрь ствола. По прошествии еще нескольких лет царь Библа увидел великолепный тамариск, повелел срубить его и сделать из него колонну для своего дворца... Лишь тогда Исида, все это время странствовавшая в поисках тела мужа, добралась наконец до Библа.

При помощи заклинаний она узнала, где находится тело ее возлюбленного супруга, извлекла гроб из тамарисковой колонны, привезла в Египет и спрятала в дельте Нила, в густых зарослях камыша.

Вместе с Исидой горько оплакивала Осириса и Нефтида – оплакивала не только как брата, но и как возлюбленного... Потому что жена Сета уже давно любила Осириса не только сестринской любовью. Однажды, приняв облик Исиды, она даже заняла место жены Осириса на его ложе – сыном этой ночи стал бог Анубис с головой шакала, неумолимый страж загробного мира, полночный ужас осквернителей могил.

Исида давно простила сестру, горе сблизило несчастных богинь, и теперь они вместе рыдали о погибшем:

– О прекрасный юноша, приди в свой дом!

Давно уже, давно мы не видим тебя!

О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!..

Прекрасный юноша, ушедший безвременно,

Цветущим, не во время свое!..

Владыка, владыка, вознесенный над его отцами,

Первенец тела его матери!

Да вернешься ты к нам в прежнем образе своем,

Да обнимем мы тебя,

Да не удалишься ты от нас!

Прекрасноликий, многолюбимый!..

Да придешь ли ты в мире, владыка наш,

Да увидим мы тебя!

Да соединишься ты с нами, подобно мужу!..

Да придешь ты в мире, старший сын своего отца!..

О душа, да живешь ты снова!

Обе сестры защищают твоё тело...

*О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!**

Но ни эти причитания, ни могучее волшебство Исиды не могли оживить умершего.

⁹ Перевод А.Ахматовой.

¹⁰ Птица Хат – самка коршуна.

Поиски частей тела Осириса. Рождение Гора

Исида и Нефтида думали, что ничего хуже смерти Осириса уже не может случиться – но вскоре грянула новая беда.

Когда обеих богинь не было поблизости, Сет, охотившийся на берегу Нила, нашел в камышах хорошо знакомый ему сундук, открыл и увидел мертвого брата. Ярость обуяла злого бога при виде тела Осириса, Сет вытащил меч и, разрубив труп на двенадцать частей, разбросал их по всему Египту.

– Давай, поищи теперь своего муженька, Исида! – с хохотом прокричал Сет.

Исида, Нефтида и Анубис пустились на поиски разрубленного тела Осириса. На протяжении двенадцати дней пахоты были найдены и сложены все части тела убитого бога – за исключением фаллоса, который сожрали рыбы. Казалось, потеря была безвозвратной, но Исида не растерялась: вылепила фаллос из глины и прирастила его к собранному телу.

Потом Исида, Нефтида и Анубис забальзамировали тело Осириса, и к тому времени, как на небе вновь появился Сириус, мумия была готова.

– *Приди ко мне, владыка мой!* – взмолилась тогда Исида. —

Да увижу тебя сегодня!

О брат, приди, да увидим тебя!

Руки мои простерты приветствовать тебя,

Руки мои подъяты, подъяты, чтоб защищать тебя!..

Приди же к жене своей в мире!

*Сердце ее трепещет от любви к тебе!**

Так в тоске причитала Исида, но тщетно – мертвец оставался мертвецом.

И все же любовь Исиды была так сильна, что она сумела зачать ребенка даже от мумии Осириса. Превратившись в птицу Хат, богиня обняла крыльями забальзамированное тело мужа, произнесла магические слова...

И магия не подвела, не подвел и новый фаллос Осириса – Исида забеременела Гором.

Когда богиня поняла, что в ней бьется новая жизнь, сердце ее переполнилось ликованием, гордостью и тревогой. Воздев руки к лучезарному Богу Солнца, она звонко крикнула:

– Во мне зреет плоть от плоти Осириса, наследник его, господин Обеих Земель! Защити его, Ра! Пусть вырастет мой сын могучим и сильным, пусть отомстит он за смерть своего отца! Защити его, Ра! Пусть станет мой сын владыкой богов, пусть он убьет ненавистного Сета!

Неизмеримо далеко от земли была небесная ладья Ра, но все же Бог Солнца услышал страстную мольбу Исиды.

– Да явится владыка богов на землю! – раздался голос с небес. – Да не погубит Сет сына так же, как он погубил отца!

И в бурную ночь в поросших камышах болотах Дельты Исида родила прекрасного младенца, которому суждено было стать мстителем за предательски убитого Осириса.

Трудное детство Гора

Исида слишком хорошо знала своего престарелого прадедушку Ра, чтобы надеяться, что он будет надежной защитой ее новорожденному сыну.

Поэтому она спрятала Гора в самых непроходимых болотах Дельты; там она построила папирусный шалаш и покидала сына только для того, чтобы раздобыть еды в ближайших деревнях. Исиде нетрудно было зарабатывать на пропитание себе и своему малышу: знание магии помогало ей лечить людей и скот, а местные жители охотно давали ей за это хлеб, рыбу и молоко.

Но вот однажды, вернувшись в шалаш, Исида с ужасом увидела, что ее ребенок задыхается и хрипит.

Исида подхватила малыша на руки и, забыв об осторожности, стала громко звать на помощь людей, но никто из сбежавшихся на ее крик жителей не знал, как помочь больному младенцу. А сама богиня, славившаяся искусством врачевания, тоже растерялась и не знала, что делать. Она не понимала, что происходит с ее сыном, и в отчаянии причитала:

– Я знаю, это Сет погубил ребенка! Злой Сет, убивший моего мужа, теперь добрался и до сына моего, невинного малютки!

На горестный плач Исиды из камышей вышла Богиня Дельты, владычица этих мест.

– Успокойся, не Сет повинен в том, что творится с малышом, – сказала богиня рыдающей Исиде. – Сет не появлялся в моих владениях. Должно быть, младенца ужалила змея или укусил скорпион!

Исида принялась к дыханию ребенка и поняла, что он и впрямь укушен скорпионом. Великая чаровница сейчас же пустила в ход все свое врачебное искусство, но яд уже слишком глубоко проник в кровь Гора, и ему становилось все хуже.

Тогда Исида вскричала страшным криком, обращая вопль к Ладье Бесконечности, равнодушно свершающей свой путь по небесной реке:

– Ужален Гор, ужален Гор, о Ра! Ужален твой сын!

Ужален Гор, ужален Гор, наследник наследника, преемник царства Шу!

Ужален Гор, ужален Гор, юноша Дельты, чудесный младенец Дома Князя!

Ужален Гор, ужален Гор, младенец прекрасный, золотой, дитя невинное, сирота!..

... Ужален Гор, ужален Гор, о ком я ликовала, ибо видела в нем мстителя за отца!

Ужален Гор, ужален Гор, страдавший в своем тайнике, опасавшийся еще во чреве своей матери!

*Ужален Гор, ужален Гор, на которого я спешила взглянуть! Как мне будет дорог тот, кто его оживит!**

Так вопила Исида, моля Ра о помощи – и вдруг небесная ладья остановилась, прервав свое неуклонное движение по небосводу... Но не владыка солнца предстал перед измученной матерью, а мудрый Тот.

– Не отчаивайся, не кричи, – обратился к Исиде бог-врачеватель, – я помогу твоему малышу. Ладья Манджет не двинется с места, пока не будет исцелен маленький Гор!

– *О Тот, хотя и велико твое сердце, но как медленно свершаются твои намерения, – зарыдала богиня, сжимая в объятьях сына. – Разве не пришел ты, снабженный своими чарами и великими указами оправдания?.. А смотри – Гор в мучении от яда! Это – беда, а еще раз – это смерть!**

Так рыдала Исида, но Тот волшебными словами извлек яд из крови Гора, и младенец заснул спокойным здоровым сном.

– Теперь все в порядке, – сказал Тот, укладывая ребенка в колыбель. – Жители Дельты будут присматривать за твоим малышом, чтобы впредь не случилось подобной беды. Кроме того, я приставлю к тебе для охраны семь божественных скорпионов. Пока они будут с вами, никто из их сородичей не причинит вам зла. Но все-таки тебе лучше перебраться в другое место, Исида: ты кричала так громко, что тебя мог услышать не только я, но и коварный Сет... Мне же пора возвращаться на Ладью, пока не проснулся старый Ра!

– Как? Разве не солнечный владыка послал тебя спасти моего сына? – поразились Исида.

– Было б странно, если бы он это сделал! – ухмыльнулся Тот. – Помнишь, как недавно ты наслала на старика змею, чтобы выведать тайное имя Ра и получить над ним власть? Помнишь,

как ты ни за что не хотела ему помочь, пока терзаемый болью Ра не выдал тебе свое настоящее имя?¹¹

Так неужели ты думаешь, что старик согласился бы помочь твоему сыну теперь, когда с ним случилась подобная беда?

Исида потупилась, не находя ответа.

– Нет, я просто усыпил весь экипаж Манджет волшебным заклинанием, и, наверное, они до сих пор спят, – подмигнул Тот. – Поэтому мне лучше как скорей вернуться на Ладью и разбудить богов, пока Манджет не прибило к берегу небесной реки, или пока ее не проглотил Апоп, или пока не случилось еще что-нибудь ужасное!

С этими словами Тот вернулся в Ладью Вечности, и вскоре она продолжила свое неторопливое движение по небосводу.

Семь скорпионов Тота

Исида решила послушаться совета мудрого бога и перебраться вместе с маленьким Гором в другое место Дельты.

Поздним вечером она с ребенком на руках вышла из шалаша и двинулась в путь, опасливо поглядывая на свою грозную свиту: скорпионы Петет, Четет и Матет шествовали впереди нее, скорпионы Местет и Местететф шли по бокам, а скорпионы Тефен и Бефен замыкали шествие. Однако стражи, приставленные к Исиде Тотом, вели себя дружелюбно, и малопомалу Исида привыкла к своим необычным спутникам.

Она шла, беседуя со скорпионами, и подыскивала спокойное место, где Сет не добрался бы до ее сына. Уже под утро усталая Исида вошла в маленький городок, за которым простирались безлюдные, поросшие камышом болота.

– Там я и поселюсь, – сказала своей диковинной свите богиня. – Но сначала мне нужно немного отдохнуть и покормить малыша Гора!

Исида постучала в первый попавшийся дом и попросила разрешения войти, однако жившая в доме богатая женщина ответила на просьбу грубой бранью: вот еще, будет она открывать дверь перед всякими грязными нищенками!

– Убирайся вон, бродяжка, не то я спущу на тебя собак! – крикнула богачка.

Все семь скорпионов возмущенно задрали хвосты, но Исида безропотно пошла прочь и постучала в другой дом, где жила бедная, но добрая девушка. Двери этого дома сразу распахнулись перед богиней, там она смогла отдохнуть и подкрепиться небогатым угощением, которое поставила перед ней гостеприимная горожанка.

Тем временем семь скорпионов совещались за дверью, решая, как наказать злую женщину за грубый прием, оказанный их хозяйке. Наконец шестеро скорпионов поделились своим ядом с Тефеном, а тот прополз под дверью богатого дома и стал рыскать по комнатам в поисках жертвы. Он с удовольствием ужалил бы саму женщину, но, не найдя ее, вонзил жало в ее сына.

Несчастная закричала единым криком со своим ребенком; она выбежала на улицу и стала стучаться во все дома, прося людей помочь ее мальчику, но надменную богачку никто не любил, ни одна дверь не открылась на ее просьбы.

Только Исида прибежала на крик и, узнав, в чем дело, грозно крикнула своим скорпионам:

– Как могли вы поступить так с несчастным ребенком?! Я-то знаю, что чувствует мать, глядя на умирающего сына!

Семеро скорпионов виновато потупились.

– Скорей проводи меня к ребенку, – велела Исида плачущей женщине. – Я вылечу его!

¹¹ По верованиям древних египтян, имя (Рен) давало знавшему его власть над обладателем имени.

Исида возложила руки на умирающего малыша, прочитала заклинание, натерла место укуса солью, смешанной с чесноком, и приложила припарку из ячменного хлеба. Так недавно лечил Тот ее ребенка, точно так же теперь она вылечила чужого.

С тех пор для защиты дома от скорпионов и змей стали ставить охранные стеллы с высеченной на них историей про Исиду и про семь скорпионов Тота.

О, живо дитя! И мертв яд! Жив Ра! И мертв яд! Как был исцелен Гор для матери своей Исиды, так исцелится и тот, кто страдает! ...Ячменный хлеб уничтожил яд, и он ушел. Соль же с чесноком отвратила жар и изгнала его из тела.¹²

Битвы Гора и Сета

Исида недаром так старалась выведать тайное имя Ра – узнав это имя, она обрела великую силу, которую передала своему сыну Гору.

И вот Гор вырос, возмужал, и, прибавив к собственной силе могущество Ра, бросил вызов узурпатору Сету.

Но Сет тоже был невиданно силен, к тому же стократно приумножил свою мощь, сопровождая ладью Ра, совершенствуя боевые навыки в непрерывных сражениях с гигантским змеем Апопом.

– Куда тебе до Апопа, сосунок! – гаркнул он, презрительно смерив взглядом юного племянника. – Сперва подрасти, змееныш, а потом пробуй тягаться со мной!

С этими словами он вырвал глаз Гора, обратив юношу в бегство. По своей старой привычке Сет разрубил глаз – на этот раз не на 12 частей, как тело Осириса, а на 64 части, и разбросал куски по всей египетской земле.

Однако Тот, постоянный покровитель Гора, опять пришел на помощь своему любимцу: собрав все куски, он вернул ему целое и невредимое Око. Мало того, новое Око Гора обладало магическими свойствами и смогло сделать то, что не под силу было совершить даже великой волшебнице Исиде.

Гор вложил Око в рот мертвого отца, и случилось чудо: Осирис воскрес!

Вся природа ликовала, встречая ожившего бога, буйно зеленела трава, а Исида с Нефтидой чуть не задушили воскресшего брата, мужа, возлюбленного в своих объятьях.

Но Осирис не остался на земле: он завещал египетский трон сыну, а сам спустился в подземное царство Дуат, чтобы стать царем загробного мира. Долгие годы смерти изменили Осириса – слишком яркое солнце слепило ему глаза, цветы и деревья больше не радовали его, кротость благого бога уступила место жажде мести. Новый владыка Дуата взял с сына клятву, что тот отомстит за него, и Гор охотно поклялся, потому что сам рвался в бой.

Вновь и вновь Гор и Сет сходились на поле битвы, причем Сет часто превращался в разных животных, пытаясь испугать своего молодого противника. Но Гор уже набрался боевого опыта и бесстрашно лупил узурпатора по морде, какой бы она не была – ослиной, змеиной или крокодильей. Однажды он даже проткнул копьем Сета, превратившегося в гиппопотама, и разрубил его тушу на мелкие куски, оплатив любителю расчлененки той же монетой.

Однако Гор поленился разбросать куски во всему Египту, поэтому Сет через некоторое время опять предстал перед изумленным сыном Осириса живым и невредимым и со словами: «Пустяки, простая царापина!» – снова бросился в бой.

Так продолжалось почти восемьдесят лет, и наконец непрерывные битвы надоели обоим богам. Тогда Гор и Сет решили вынести свой спор на суд Великой Девятки: пускай Эннеада решит, кому из них следует унаследовать трон Осириса и стать властелином Египта.

¹² Перевод О.Павловой.

Тяжба Гора и Сета

Великая Девятка под председательством Ра собралась в Гелиополе, и Тот, обращаясь к Богу Солнца, попросил:

– Владыка, рассуди, кому должен принадлежать трон Осириса и животворное Око – его сыну Гору или же его брату Сету?

С этими словами Тот протянул Богу Солнца Око, вернувшее жизнь Осирису, – символ власти над Обеими Землями.

Ра взял Око и глубоко задумался – а может быть, задремал.

Боги долго ждали слова старого Ра, пока наконец Шу, потеряв терпение, не воскликнул:

– По справедливости трон должен принадлежать Гору! Правда, о владыка?

– Истинная правда! – подхватил Тот и замигал другим богам Девятки, прося поддержки.

Вся Девятка дружно закивала, и Исида, видя, что боги на ее стороне, ликующе воскликнула:

– Северный ветер, лети в Дуат, обрадуй моего мужа – трон будет принадлежать нашему сыну!

Увы, слишком рано обрадовалась богиня и слишком громко она закричала! Ее возглас разбудил старика Ра, уснувшего с Оком в руках. Бог Солнца вздрогнул, проснулся, взглянул на Исиду и, должно быть, вспомнил ее давнишнюю проделку со змеей.

– Назад! – раздраженно гаркнул он северному ветру, уже рванувшемуся выполнять поручение. – Кто здесь командует – эта соплячка или я? Я считаю, что Око надо отдать Сету! У младенца Гора еще не сбрит локон юности, где уж ему управлять Египтом, кха-кха! К тому же он – незаконный сын Осириса, потому что родился уже после его смерти...

Возмущенный гомон Девятки не дал ему договорить. Боги галдели до тех пор, пока утомленный Ра не предложил послать за всеми уважаемым богом плодородия Банебджетом, живущим на острове Сетит, чтобы вынести дело на его третейский суд.

Банебджет явился на зов Эннеады, но при виде свирепых лиц Сета и Гора, уже приготовившихся к новой драке, не захотел встать между противниками и получить удар в оба уха. Вместо себя на роль третейского судьи он выдвинул кандидатуру богини Нейт,¹³ и Тот со всеобщего согласия отправил послание в Элефантин, запрашивая мнение воинственной богини по этому трудному вопросу.

Ответ Нейт последовал быстро: «Трон Осириса должен получить Гор! А Сет может в утешение взять в жены парочку дочерей Ра, раз от бедняги сбежала его жена Нефтида».

– Слава премудрой Нейт! – в один голос воскликнула Девятка, когда Тот огласил это письмо.

Возможно, на том бы и кончился многолетний раздор Сета и Гора, если бы не стариковское упрямство Ра.

– Никогда Гор не получит трон Осириса! – прокашлял Ра. – Разве под силу царствовать тому, кому еще не исполнилось двух сотен лет?

Девятка разразилась негодующими криками, но это лишь еще сильнее разозлило старика. Бог Солнца заявил, что раз с его мнением здесь не считаются, он вообще не желает разговаривать ни с кем из Девятки! С этими словами Ра демонстративно улегся на землю, повернувшись к Эннеаде спиной.

Так старик пролежал много дней, несмотря на радикулит, полученный во время странствования на Ладьях; только к исходу месяца веселая Хатхор сумела развеселить отца песней

¹³ Нейт – богиня войны и охоты; позднее – богиня плодородия и ткачества.

и плясками и уговорить его сменить гнев на милость. Держась за поясицу, Ра снова занял место в судейском кресле, однако после этого разбирательство не пошло быстрее.

Мало того – вслед за Гором и Сетом перессорились все остальные боги: теперь потолок Великого зала так и дрожал от брани, взаимных попреков и оскорблений. Сет во всеуслышанье шантажировал судей, крича, что он никогда больше не поплывет ни на небесной, ни на подземной Ладьях, если трон не будет отдан ему.

– Посмотрим, как без меня вы справитесь со змеем Апопом! – встряхивая огненно-рыжей гривой, орал шантажист.

– Нет-нет, только не это! – охнул Ра, вспомнив, что лишь в присутствии Сета плаванье проходило более-менее гладко. – Конечно, трон Осириса должен принадлежать тебе, ведь ты такой могучий и опытный воин!

– Опытный интриган! – крикнул Шу.

– Узурпатор! – поддержал его Геб.

– Потрошитель! – добавил Тот.

И страсти забушевали с новой силой. Не на шутку разошедшиеся боги во всеуслышанье поливали друг друга нецензурной бранью; от одного особенно крепкого словца, вырвавшегося у Ра, даже невозмутимый секретарь суда выронил из рук камышовое перо.

– И это говорит тот, кто обещал сделать моего сына владыкой Обеих Земель! – всплеснула руками Исида.

Ра, вспомнив свое давнишнее обещание, почесал за ухом и сконфуженно потупился. На, кажется, он и в самом деле еще до рождения Гора сулил ему что-то подобное...

Сет сразу уловил колебания старика и понял, что его царский сан висит на волоске.

– Как Исида смеет попрекать тебя, о владыка?! – громогласно спросил он. – Пусть ее выведут отсюда, прежде чем разбирательство будет продолжено! – и, видя, что Ра продолжает колебаться, Сет поспешно добавил: – Если Исида останется здесь, ноги мой не будет на палубе твоих Ладей! Или я – или она!

И как Исида ни протестовала, ее выдворили из зала суда – после чего Эннеада решила перенести заседание на священный остров посреди Нила, куда мать Гора уже не сможет добраться.

Продолжение тяжбы. Хитрость Икиды

Итак, боги переправились на островок посреди Нила, строго-настрого приказав перевозчику, богу Анти, не доставлять на остров никаких женщин.

Но Исида, приняв облик древней старухи, соблазнила жадного Анти золотым кольцом и все-таки уговорила переправить ее на остров.

В это время боги как раз прервали судебное заседание и пировали в пальмовой роще. Воспользовавшись тем, что Сет, покинув компанию, удалился в кусты, Исида приняла облик прекраснейшей из женщин и как бы невзначай попалась злодею на глаза. Она была так прекрасна, что Сет сразу воспылал к ней страстью, даже не задавшись вопросом, откуда эта красотка могла взяться на безлюдном священном острове.

– Уединись со мною, красавица! – потребовал Сет. – Мое сердце горит от любви к тебе!

– А мое сердце полно печали, – грустно отвечала Исида. – Я была женой пастуха и родила ему сына, но когда мой муж умер, чужеземец отнял у сына стада и прогнал его вон, угрожая побоями. Муж мой мертв, и некому заступиться за меня и за моего мальчика!

– Я заступлюсь за вас! – пообещал Сет, ударив себя кулаком в грудь. – Где это видано, чтобы добро отдавали чужеземцу, если у хозяина добра есть наследник? Скот¹⁴ должен принадлежать твоему сыну, красавица, несомненно!

С торжествующим криком Исида превратилась в птицу Хат, взлетела на вершину высокого дерева и крикнула:

– Ты сам вынес себе приговор, глупый Сет! Сан должен быть возвращен моему сыну, ты сам это только что сказал!

Все боги онемели от изумления.

– Ну вот и конец тяжбе, – с облегчением промолвил Ра. – Ты вынес себе приговор, Сет, и теперь ты должен...

– Ничего я не должен! – оправившись от неожиданности, негодуя взревел Сет. – Эта двуличная тварь обманула меня! А со взяточника Анти, который переправил ее на остров, я всю шкуру спущу, или я больше не бог!

Состязание Гора и Сета. Переписка с Осирисом. Конец распри

Перевозчика Анти крепко поколотили палками, на всю жизнь внушив ему отвращение к золоту,¹⁵ но эта месть не утолила ярости буйного Сета. Он бушевал до тех пор, пока Ра не предложил ему и Гору решить спор в честном поединке – только в спортивном, а не военном.

– Превратитесь оба в гиппопотамов и нырните в Нил, – велел солнечный бог. – Кто пробудет под водой меньше трех месяцев, тот проиграет тяжбу, а выигравший получит трон Осириса.

«Пусть пробудут под водой как можно дольше, – подумал старый Ра. – А я тем временем немного отдохну от их бесконечных дразг. Уж из-под воды-то они не будут надоедать мне своими криками, требованиями и угрозами!»

Оба врага тотчас нырнули в мутные воды Нила, и над священным островом воцарилась блаженная тишина...

Но ненадолго: Исида нарушила ее горестными воплями.

Богиня прекрасно знала, насколько силен может быть в облике гиппопотама Сет, она знала, как хорошо он умеет плавать, и испугалась, что злодей убьет ее сына под водой.

Не долго думая, Исида сделала гарпун, привязала к нему веревку и метнула оружие в воду в том месте, где скрылись Гор и Сет.

Но второпях богиня забыла прошептать над гарпуном волшебное заклинание, и зазбуренное острие вонзилось в тело Гора.

– Мать моя, что ты делаешь! – закричал из-под воды Гор. – Это же я, твой сын, вели гарпуну отпустить меня!

– Отпусти его, отпусти! – ужаснувшись своей ошибке, взмолилась Исида. – Это не враг, это мой единственный сын Гор!

Гарпун тотчас отцепился от Гора, Исида вытащила оружие, прошептала над ним волшебные слова и снова метнула его. На этот раз бросок был верен – острие воткнулось в жирную спину гиппопотама-Сета.

– Вели гарпуну отпустить меня! – взмолился Сет, взбаламутив воды Нила в тщетных попытках вырваться. – Вспомни, я же твой родной брат!

Он кричал и умолял до тех пор, пока Исида, вспомнив о детских годах, проведенных вместе с Сетом, не сжалилась над злодеем.

¹⁴ В древнеегипетском языке слова “скот” и “сан” имели одинаковое произношение.

¹⁵ После наказания, которому он подвергся, бог Анти проклял золото. Поэтому в местностях, где чтили Анти, пользоваться золотыми вещами было запрещено.

«Наверное, зря я все это затеяла. Лучше бы я доверилась суду Ра, хватит с нас кровавых деяний!» – подумала богиня и велела гарпуну:

– Отпусти его, это и впрямь мой родной брат!

Гарпун послушно отцепился от Сета, Исида вытащила оружие...

Но Гор пришел в ярость, услышав, как мать заступается за его смертельного врага. Выскочив из-под воды, он схватил топор и одним взмахом отсек Исиде голову.

Все, что успела сделать чародейка, – это превратиться в каменную статую без головы, а Гор, увидев, какое страшное преступление он совершил, схватил отрубленную голову матери и, как безумный, бежал в западные горы.

Там его настиг Сет, а настигнув, вырвал у него глаза...

И неизвестно, какие еще ужасные преступления совершили бы два непримиримых врага, если бы наконец не лопнуло терпение старого Ра.

– Это уже слишком!!! Эти двое чересчур далеко зашли! – прогремел он, в ярости полыхнув уреем. – Сколько еще несчастий и преступлений должно случиться из-за того, что двое родичей никак не могут поделить власть над Египтом?! Сколько бед должно обрушиться на них, чтобы они наконец прекратили свой кровавый многолетний спор?! Эй, кто там! Найти матереубийцу, отобрать у него голову Исиды и привести сюда!

Слуги Ра исполнили приказание Бога Солнца, но перед этим богиня Хатхор исцелила Гору, влив в его глазницы молоко газели, а Тот приставил голову к статуе Исиды и оживил ее.

Вскоре Гор с Сетом предстали перед очами верховного бога, на этот раз настроенного столь решительно, что даже неукротимый Сет струхнул под гневным взглядом Ра.

– Слушайте, что я скажу вам, бесстыдники, – сурово промолвил Бог Солнца. – Ваши бесчинства переполнили чашу моего терпения...

– Этот узурпатор первый начал! – воскликнул Гор, показывая на Сета.

– От узурпатора слышу! – не остался в долгу Сет и хотел уже ринуться в бой, но Ра грянул:

– Молчать!!! – и швырнул между врагами луч урея. – А теперь послушайте меня, – обратился он к противникам, попятившимся от разделившей их обугленной воронки. – Мне это надоело. Мне надоели бесконечные глупости, вроде ваших гонок на каменных ладьях: даже ты, Сет, с твоим небольшим умом, мог бы заранее сообразить, что ладья из камня непременно потонет!¹⁶

Мне надоели ваши вопли и взаимные попреки. Мне надоели ваши вечные драки. Мне надоели неприличные выдумки Исиды, вроде того трюка, который она выкинула с семенем Сета...¹⁷

¹⁶ Сет предложил Гору состязание на каменных ладьях. Гор, схитрив, построил себе ладью из кедра и сверху покрыл ее гипсом, а Сет спустил на воду ладью из настоящего камня. Конечно, ладья Гора легко поплыла, а ладья Сета тут же утонула... Но это все равно не разрешило спор.

¹⁷ «И Сет сказал Гору:– Иди! Проведем приятный день в моем доме. И Гор сказал ему:– Согласен, я согласен. И вот затем, в вечернюю пору, им постелили, и они легли, эта пара. И вот ночью Сет укрепил свой член и направил его между ляжек Гора. И Гор всунул обе свои руки между своих ляжек и принял семя Сета. И Гор отправился сказать своей матери, Исиде:– Приди ко мне, Исида, моя мать! Приди, и ты увидишь, что Сет сделал со мной. Он раскрыл свою руку и показал ей семя Сета. Она громко закричала, схватила свой нож, отрезала его руку, бросила ее в воду и достала ему равноценную руку. И она взяла немного приятно пахнущей мази и помазала ею член Гора. И она укрепила его, сунула его в небольшой сосуд, и он испустил в него свое семя. И Исида направилась с семенем Гора в утреннюю пору к саду Сета. Она сказала садовнику Сета:– Какие овощи Сет ест здесь у тебя? Садовник сказал ей:– Он не ест здесь у меня никаких овощей, кроме латука. Исида окропила латук семенем Гора. Сет пришел по своему ежедневному обыкновению и поел латука, который он ел постоянно. Он забеременел от семени Гора. Затем Сет отправился сказать Гору:– Приди! Поспеши – я буду препираться с тобой в суде. И Гор сказал ему:– Согласен, я согласен. И они отправились в суд, эта пара. Они предстали перед великой Энееадой. Им сказали:– Говорите, вы! И Сет сказал:– Пусть отдадут мне сан Правителя, ибо, что касается Гора, который присутствует здесь, то я выполнил работу мужчины по отношению к нему. И (боги) Энееады громко закричали. И они извергали блевотину и плевали в лицо Гору. И Гор насмеялся над ними. И Гор поклялся богам:– Ложь все, что говорит Сет! Пусть позовут семя Сета, и посмотрим, откуда оно откликается, и пусть позовут (затем) мое (семя), и посмотрим, откуда оно откликнется. И Тот, владыкя божественных слов, писец нелицеприятный Энееады, положил свою руку на плечо Гора и сказал:– Выходи, семя Сета! Оно откликнулось из глубины болота. И Тот положил свою руку на плечо Сета и сказал:– Выходи, семя Гора! И

Сет, зардевшись, потупился, а Исида немедленно крикнула:

– Он сам виноват, ведь он пытался изнасиловать моего сына, гнусный педераст!

– Молчать!!! – прервал ее старый бог, опять приготовившись в качестве самого весомого аргумента пустить в ход урей. – Хватит!! А тебе, Исида, следовало бы получше воспитывать сына, чтобы он даже в самом неистовом гневе не смел поднимать руку на родную мать!

– Я не хотел... – горестно прошептал Гор, не смея встретиться взглядом с Исидой.

– Ты отсек голову собственной матери, – безжалостно прервал его старый бог. – И я чувствую, что это злодеяние не будет последним, если я позволю тебе и Сету продолжать борьбу за египетский трон. Если дело так дальше пойдет, вскоре вам не за что будет воевать! Поглядите: храмы богов разрушены и заброшены, люди прячутся в камышах, ваши битвы превратили цветущие нивы в бесплодные пустыни! Я уж не говорю про то, что над землей теперь то и дело воцаряется мрак, потому что я вынужден разбираться в дрязгах правнука и праправнука вместо того, чтобы путешествовать в небесной ладье!¹⁸

Словом, пока все мы вслед за Исидой не лишились голов, пора прекратить это многолетнее безобразия. Я принял решение, и – клянусь океаном Нуном – я заставлю всех и каждого подчиниться ему!

– Давно бы так, – очень тихо пробормотал Тот.

– Э-кхм, – откашлялся Ра. – Итак, решение мое таково: мы немедленно пошлем запрос в подземную канцелярию Осириса и узнаем его мнение по этому запутанному вопросу! Что такое? – строго воззрился он на Тота.

– Нет-нет, ничего! – поспешно ответил Тот. – Я просто поперхнулся!

«Лучше уж такое решение, чем никакое, – сказал он про себя. – Конечно, Осирис велит отдать трон своему сыну – это ясно каждому, кроме Ра! Может, хотя бы мнение владыки подземного царства заставит Эннеаду наконец покончить с судебной волокитой?»

Тот быстро составил послание к Осирису и отправил его с уведомлением в Дуат. Ждать ответа пришлось недолго: Осирис негодуяюще вопрошал, почему его сын Гор до сих пор не получил трона, а в посткриптуме перечислял свои заслуги в создании ячменя и полбы – любимой пищи богов и скота. Последний пассаж, увы, привел к тому, что уязвленный Ра, вместо того чтобы отдать трон наследнику великого создателя полбы и ячменя, отправил в Дуат новое послание, оспаривая приоритет Осириса в сотворении вышеперечисленных земледельческих культур...

И еще очень долго гонцы сновали туда-сюда, доставляя послания богов из подземного мира в надземный и обратно, пока наконец выведенный из терпения Осирис не пригрозил напустить на Эннеаду похитителей сердец, если боги не присудят немедленно трон Обеих Земель его сыну Гору.

Испугавшись такой ужасной угрозы, Девятка богов сейчас же присудила царский сан Гору. Тяжба, занявшая столько времени, наконец-то завершилась, и секретарь суда с облегчением дописал последний иероглиф в свитке, длинном, как русло Нила.

Но если вы думаете, что на этом все закончилось, вы ошибаетесь!

Бесстрашного Сета не остановила даже опасность лишиться сердца – презрев решение Эннеады, он потребовал, чтобы ему дали еще один шанс помериться силами с Гором.

– Хорошо... Так и быть, – кивнул уступчивый Ра. – Но, клянусь породившим меня Нуном, этот бой будет последним! Потерпевший поражение навсегда признает над собой вла-

оно сказала ему:– Откуда я должно выйти?И Тот сказал ему:– Выходи через его ухо.Тогда оно сказала ему:– Неужели мне подобает выйти через его ухо: я – божественное истечение!И Тот сказал ему:– Выходи через его темя.И оно появилось в виде золотого диска на голове Сета.И Сет сильно разгневался. Он протянул свою руку, чтобы схватить золотой диск.И Тот отнял его у него и поместил как украшение на своей голове».(Папирус Британского музея, известный под именем Честер-Бити, вторая половина Нового царства. Перевод И.Лившица.)

¹⁸ Поневоле напрашивается вопрос: а кто светил с неба до того, как Ра начал путешествовать в ладье Манджет?

дычество победившего, который станет повелителем обоих Египтов! Я, Ра-Хорахти, объявил свою волю, да живу я, да здравствую и да благоденствую!

И вот по решению Ра противников отвезли на остров, где состоялась последняя битва Сета и Гора – битва, за которой следила вся Эннеада. Много дней и ночей длился ужасный бой, и все это время тьма покрывала Египет, над Нилом выли знойные ветры, молнии прорезали черное небо. Сражение закончилось полной победой Гора: воссиявшее на небе солнце осветило торжествующего сына Осириса и побежденного Сета у его ног.

Восемьдесят лет продолжалась их борьба, но теперь Гор наконец-то получил титул Объединителя Двух Земель и был увенчан двухцветной короной Пшент. Сету волей-неволей пришлось покориться, в знак чего на воротах дома Птаха были водружены тростник и папирус – символ примирения и объединения не только двух египетских земель, но и двух заклятых врагов – Гора и Сета.

*Девятка богов возрадовалась:
«Вот идет Гор, сын Осириса,
Твердый сердцем, правогласный,
Сын Исиды, наследник Осириса».*
*Собрался для него суд истины,
Девятка богов и вседержитель сам (Ра).
Владыки истины, соединившиеся там,
Отражающие неправду,
Сели в зале Геба, чтобы вернуть сан владыке его.
Найден был Гор правогласным,
И отдан ему сан отца его.
Вышел он, венченный по велению Геба,
И взял он власть над Египтом.
Корона крепка на челе его,
И владеет он землей до границ ее.
Небо и земля под властью его,
Подчинены ему люди, народ, смертные и человечество,
Египет и народ островов моря,
И все, что обтекает Солнце, – под властью его.
Северный ветер, река и поток,
Плодовые деревья и все растения...
О как радуются Обе Земли!
Зло исчезло, и мерзость удалась,
Земля спокойна под владыкой своим.
Утверждена правда для владыки своего,
Обращен тыл ко лжи.
Радуйся, Уннефер!
Сын Исиды взял корону,
Присужден ему сан отца его в зале Геба!**

Царство Осириса и трудный путь в Дуат

Когда Осирис пригрозил напустить на богов «похитителей сердец», владыка Дуата отнюдь не шутил. И в том, как он обустроил свое царство, тоже не было ни намек на шутку.

Взяв за образец собственную тяжелую судьбу, Осирис связал загробную жизнь египтянина с сохранением его брэнного тела. «Воистину, как живет Осирис, так живешь и ты. Воистину, как не исчез Осирис, так не исчезнешь и ты», – было написано в сотнях египетских

гробниц. Этот тезис, с одной стороны, внушал надежду на жизнь по ту сторону смерти, но с другой стороны – слишком уж много условий нужно было выполнить для того, чтобы «жить, как живет Осирис».

Во-первых, следовало сохранить мумифицированное тело умершего – если мумия уничтожалась, то душа египтянина, включавшая в себя сложные понятия «Ах», «Ба» и «Ка», исчезала навечно. Мумификация сама по себе была очень хлопотным делом (Геродот перечисляет три способа изготовления мумий – дорогой, подешевле и самый дешевый), но сохранение тела было лишь началом пути на блаженные загробные Поля Камыша.

В Дуате умершего подстерегали сотни опасностей – там кишели крокодилы, змеи, скорпионы и львы; там подземные рыбаки готовы были поймать покойника в свои сети; там свирепые стражи ворот задавали египтянину множество коварных вопросов, на которые нужно было давать абсолютно точные (хотя и не всегда осмысленные) ответы. Должно быть, только высшие жрецы могли легко ориентироваться в этом нагромождении загробных препон, но что было делать умершему земледельцу, ремесленнику или воину? Их шансы попасть на возделанные Поля Камыша были ничтожно малы, какими бы достоинствами эти люди ни отличались при жизни.

Кое-какую надежду на благую загробную жизнь грамотным египтянам давали путеводители по Дуату, такие, как «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов», «Книга мертвых», «Книга о вратах» и «Книга о том, что есть в подземном мире». Подобные бестселлеры, бывшие в большом ходу в Древнем Египте, предостерегали людей от многочисленных опасностей, поджидавших их на том свете, и содержали советы, как эти опасности преодолеть. В книгах приводились тексты гимнов, которыми надлежало задабривать тех или иных богов, перечислялись имена всех стражей подземных врат с упоминанием их слабостей (дабы знать, как улестить каждого из привратников), содержались магические заклинания для борьбы с загробными чудовищами, а также давались подробные описания дорог в Дуат с приложением карт потустороннего мира...

Если умерший был грамотным, а его близкие могли позволить себе роскошь приобрести такую книгу, ее клали покойнику в гроб – и тогда усопший мог в нужную минуту быстренько найти там подсказку, вычитать правильный ответ на вопрос подземных стражей или сориентироваться по карте, куда ему идти.

Вообще снарядить египтянина в последний путь было делом дорогостоящим и нелегким – покойника требовалось снабдить не только путеводителем по Дуату, но и едой, питьем, одеждой, утварью, статуэтками-слугами «ушебти», статуэткой бога воздуха Шу, дабы усопший не задохнулся в гробу, запасной головой из известняка (на тот случай, если бедняга ненароком забредет на место подземных казней и попадет под руку тамошнему палачу), а также каменным сердцем в виде скарабея и амулетом в виде Ока Уджат.

Положив все это в усыпальницу и совершив при помощи жреца сложные погребальные обряды, близкие умершего отправлялись к соседям просить в долг на пропитание, а усопший египтянин оказывался перед вратами «Дома Осириса-Хентиаментиу».

Найдя соответствующее место в «Книге мертвых», покойник называл по именам сторожащих врата богов и после длинного собеседования с ними направлялся к следующим вратам, где привратники задавали ему очередные замысловатые вопросы, на которые следовало давать не менее замысловатые ответы:

– *Как имя твое?*

– *Я – растущий под лотосом и находящийся в маслине, вот имя мое Я прошел по северному городу маслины.*

– *Что ты видел там?*

– *Бедро и голень.*

– *Что ты сказал им?*

– *«Я видел ликование в стане врагов».*

- *Что они тебе дали?*
- *Пламя огня и кристалл.*
- *Что ты сделал с этим?*
- *Я зарыл их на берегу бассейна правды, как вечерние вещи.*
- *Что ты нашел там на берегу бассейна правды?*
- *Жезл из кремня – «податель дыхания» – имя его.*
- *Что ты сделал с огнем и кристаллом после того, как ты похоронил их?*
- *Я возгласил. Я вырыл их. Я загасил огонь. Я сокрушил кристалл. Я создал озеро,¹⁹*
- торопливо отвечал несчастный египтянин, украдкой подглядывая в спасительную

шпаргалку и в который раз жалея, что имел неосторожность умереть.

Такие экзамены покойник проходил у каждых ворот Дуата, а чтобы умерший не скучал на пути от одних ворот до других, его поджидали еще препятствия в виде огненных озер и узких тропок, в зарослях возле которых обитали чудовища. Имена чудовищ тоже полагалось знать наизусть (или вовремя подсмотреть их в «Книге мертвых») – монстры Дуата были весьма придирчивы по части правил хорошего тона и беспощадно съедали всех, кто не мог назвать их по именам.

Правда, милосердные боги поставили по пути к жилищу Осириса нечто вроде постоянных дворов – аритов, где можно было отдохнуть и перевести дух... Но войти туда могли только умершие, которые знали имена богов, содержащих эти ариты, а также ухитрились без запинки произнести специальные заклинания, открывающие вход.

Должно быть, немногие счастливчики, все же попавшие в арит, не спешили оттуда выйти, но в конце концов подземные вышибалы выкидывали гостей за дверь, чтобы освободить место для новых постояльцев – и покойники вновь брели от одних врат к другим, шарахаясь от чудовищ и жалея, что они не родились, скажем, в Элладе. Везет же эллинам – их подземный перевозчик Харон радушно переправляет через реку Стикс всех, кто платит ему один-единственный жалкий обол, и даже не требует, чтобы к нему обращались по имени!

Вероятно, большинство умерших египтян безвозвратно кончало свое существование в пасти чудовищ Дуата или навечно застревало возле каких-нибудь врат, не поладив с тамошними привратниками, – но отдельные выдающиеся личности все-таки умудрялись добраться до «призовой игры».

Уникум, который вспоминал правильные названия карнизов всех врат, порогов всех врат, правой и левой сторон дверного оклада всех врат, а также правильно отвечал на вопросы всех стражей и называл по именам всех чудовищ, достигал наконец чертога Обеих Истин...

И, прежде чем войти в заветный чертог, сдавал свой самый главный экзамен – произносил так называемую «Исповедь отрицания», клянясь перед Великой Эннеадой в том, что он не совершал сорока двух преступлений, в том числе:

- *Я не чинил зла людям.*
- Я не нанес ущерба скоту.*
- Я не совершил греха в месте Истины. (...)*
- Я не творил дурного. (...)*
- Имя мое не коснулось слуха кормчего священной ладьи.*
- Я не кощунствовал.*
- Я не поднимал руку на слабого.*
- Я не делал мерзкого перед богами.*
- Я не угнетал раба пред лицом его господина.*
- Я не был причиной недуга.*
- Я не был причиной слез.*

¹⁹ Отрывок из "Книги мертвых", изданной Лепсиусом в 1842 г.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

Я никому не причинял страданий.

Я не истощал припасы в храмах...²⁰

И так далее, и так далее – после чего умерший возглашал: «Я чист, я чист, я чист, я чист!»

Правдивость этих показаний проверялась при помощи весов истины – на одной чаше лежало сердце покойника, на другой – страусовое перо богини Маат. При лживом ответе сердце оказывалось легче истины, и чаша с ним круто поднималась вверх; тогда подсудимый отправлялся в пасть ужасной Амнат, «Пожирательницы» – богини с телом гиппопотама, львиными лапами и пастью крокодила, на чем мытарства усопшего кончались.

Если же испытание завершалось благополучно, египтянину следовало оправдаться еще перед Малой Эннеадой, которая, хотя и называлась малой, была почти в пять раз обширнее Большой. В состав этого судилища входили сорок два бога различных номов – и запомнить их правильные имена и титулы мог разве что Шампольон:

– *О Усех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла!* – дрожащим голосом рапортовал египтянин, одним глазом подглядывая в «Книгу мертвых», а другим косясь на свирепых судей. —

О Хепет-седежет, являющийся в Хер-аха, я не карал!

О Денджи, являющийся в Герпомоле, я не завидовал!

О Акишут, являющийся в Керерт, я не грабил!

О Нехехау, являющийся в Ро-Сетау, я не убивал!

О Рутти, являющийся на небе, я не убавлял от меры веса!

О Ирти-ем-дес, являющийся в Летополе, я не лицемерил!

О Неби, являющийся задом, я не святотатствовал!

О Сед-кесу, являющийся в Ненинису, я не лгал!

О Уди-Несер, являющийся в Мемфисе, я не крал съестного!

О Керти, являющийся на Западе, я не ворчал попусту!

О Хеджи-ибеху, являющийся в Фаюме, я ничего не нарушил!²¹

Одного последнего пункта хватило бы для оправдания перед судом инквизиции даже знаменитой Синеи Бороды – Жилия де Реца, но вслед за этим египтянин зачитывал еще тридцать подобных заявлений, начинающихся с «о» и содержащих «не» – и если весы истины показывали его правдивость, с облегчением выкрикивал заключительные слова:

– Я чист, я чист, я чист, я чист!

После еще одного легкого допроса без пристрастия (единственного, на котором судьи выслушивали показания свидетелей о земных делах подсудимого) египтянин целовал порог Чертога Двух Истин, называл порог по имени, называл по имени всех стражей и наконец-то оказывался в вожделенном зале, где мог лицезреть самого великого Осириса.

Но даже там измотанный всеми перенесенными ранее испытаниями покойник должен был сдать еще один экзамен, ответив на пару-другую вопросов бога Тота.

– Кому я должен возвестить о тебе? – напоследок спрашивал бедолагу Тот.

И, видя полное отупение на лице умершего, а также вспомнив, что в процессе мумификации у бедняги извлекли мозги (а то, что от них осталось, начисто иссушили предыдущие экзамены), добрый бог задавал египтянину наводящий вопрос.

– Кто это? – спрашивал он, указывая на владыку, восседающего на троне.

– Это Осирис, – отвечал покойник, сверившись с «Книгой мертвых».

²⁰ Перевод М. Коростовцева.

²¹ Перевод М. Коростовцева.

– Воистину же, воистину ему скажут имя твое! – облегченно восклицал Тот и немедленно передавал умершего богу Шаи.

Под опекой этого бога египтянин наконец-то мог проследовать на блаженные Поля Камыша...

...чтобы убедиться, что после всех сложнейших испытаний он должен жить в Дуате такой же жизнью, какую вел на земле. Земледельцы продолжали выращивать в царстве Осириса хлеб, пастухи – пасти скот, ремесленники тоже выполняли здесь свою обычную работу.²²

Правда, вместо себя можно было послать трудиться статуэтку-ушебти. Стоило окликнуть ее, как она тут же отзывалась: «Я здесь!» – и выполняла за хозяина всю работу.

Это – да еще то, что в Дуате урожаи были щедрее, а скот тучнее, чем на земле, – несколько скрашивало пребывание в подземном мире, и все-таки люди предпочитали как можно дольше пребывать в царстве Гора, да живет он, да здравствует и да благоденствует!

...А Гор жил, здравствовал и благоденствовал на земле еще очень долго. Он разумно и заботливо управлял Египтом, но потом передал корону своим наследникам – фараонам, а сам занял место в ладье великого Ра.

С тех пор Гор и Сет стали путешествовать вместе в Ладье Вечности, бок о бок сражаясь со змеем Апопом и другими порождениями тьмы, пока внизу правили их смертные преемники и век за веком разворачивался длинный свиток удивительной истории Египта.

Но чтобы люди впоследствии смогли прочесть этот свиток – пусть отрывочно, заполняя многочисленные пробелы догадками, порой равными по своей фантастичности самым причудливым египетским мифам, – понадобилось много времени и усилий. Удивительные стечения обстоятельств способствовали тому, что люди шаг за шагом продвигались вглубь веков, навстречу Началу Времен, и на этом трудном пути сплетались судьбы ученых, художников, военных, кладоискателей и авантюристов.

²² Хотя очень трудно представить, что земледelec или пастух мог пройти через все вышеперечисленные испытания. Сдача государственных экзаменов в любом из современных российских институтов ничто перед экзаменами в египетском царстве мертвых!

ВРЕМЯ УЧЕНЫХ, АВАНТЮРИСТОВ И ЭНТУЗИАСТОВ

- Взгляните, господа! Мумия! Мумия!
Лорнет приставляется к глазам с обычной хладнокровной медлительностью.
– А... как, вы сказали, зовут этого джентльмена?
– Зовут? Его никак не зовут! Мумия! Египетская мумия!
– Так, так. Здешний уроженец?
– Нет! *Египетская* мумия!
– Ах, вот как. Значит, француз?
– Нет же! Не француз, не римлянин! Родился в Египта!
– В Египта. В первый раз слышу об этой Египте. Какая-то заграничная местность, по-видимому. Мумия... мумия. Как он хладнокровен, как сдержан. А... он умер?
– О, *sacre bleu!* Три тысячи лет назад!
Доктор свирепо обрушился на него:
– Эй, бросьте ваши штучки! Считаете нас за простофиль, потому что мы иностранцы и проявляем любознательность! Подсовываете нам каких-то подержанных покойников! Гром и молния! Берегитесь, не то... если у вас есть хороший *свежий* труп, тащите его сюда! Не то, черт побери, мы разобьем вам башку!
Марк Твен, «Простяки за границей, или путь новых паломников»

Художник Доминик Виван Денон

«Кротовая куча эта ваша Европа! Только на Востоке, где живет шестьсот миллионов людей, можно создавать великие империи и совершать великие революции!» – с такими словами Наполеон Бонапарт отправился в мае 1798 года на завоевание Египта. Человек, чей талант полководца был вполне под стать его амбициям и гигантскому честолюбию, грезил славой Александра Македонского, мечтая о создании мировой державы.

Но вместе с пехотой и артиллерией Наполеон взял в свой египетский поход сто семьдесят пять ученых: историков, географов, инженеров, востоковедов, чертежников – и равнодушные пирамиды услышали громовой крик полководца, перекрывающий вопли атакующих мамелюков Мурад Бея:

– Пехота – в каре!!! Ослов и ученых – в середину!!!

Знаменитая «битва у пирамид», в которой превосходно обученные, оснащенные современным стрелковым оружием, поддержанные грозной артиллерией солдаты Наполеона столкнулись с вооруженной мечами конницей Мурад Бея, закончилась полной победой французов. Это была не столько битва, сколько бойня: французы потеряли 40 человек, мамелюки – больше 2000.

Наполеон вошел в Каир победителем, однако морская победа англичан при Абукире перечеркнула его победы на суше. 1 августа 1798 года адмирал Нельсон, долго гонявшийся за французским флотом по всему Средиземному морю, наконец настиг его в 20 километрах восточнее Александрии и уничтожил, поймав тем самым Бонапарта в ловушку. Помощи из Франции ждать не приходилось, и несмотря на успешное подавление восстания в Каире и победу над турецкими войсками, новоявленному «Александрю Великому» пришлось признать свое полное поражение.

Дизентерия, чума и холера косили войска, тысячи солдат страдали от глазных болезней, часто доводивших людей до слепоты. 24 августа 1799 Наполеон ретировался из Каира на фрегате «Мюиرون», якобы отправившись за подкреплением, на самом же деле просто бросив свою армию на произвол судьбы.

А в сентябре 1801 года капитулировал французский гарнизон в Александрии, и англичане в числе прочих условий капитуляции выдвинули требование выдачи всех древностей, собранных французами в Египте. Все, что досталось ученым, подорвавшим здоровье в египетском походе, – это зарисовки их трофеев, оригиналы которых украсили Британский музей...

Автором самых ярких, точных и многочисленных рисунков был талантливый художник Доминик Виван Денон, чья жизнь вполне могла бы послужить сюжетом для авантюрного романа.

Аристократ Виван Денон, фаворит мадам де Помпадур, в соответствии с родовой традицией избрал карьеру дипломата и успешно начал ее в Санкт-Петербурге, где ему удалось снискать симпатии Екатерины Великой. Знаток античного искусства, приятель Вольтера, автор эротических рассказов, заслуживших признание самого Бальзака, он стал членом Академии за полотно «Поклонение волхвов Спасителю». Разносторонность интересов вскоре привела Денона в Италию – там он изучал работы мастеров Ренессанса в частных коллекциях своих друзей; там его и застала весть о французской революции.

В то время как отпрыски дворянских фамилий всеми силами старались покинуть Францию, где все больше набирал размах революционный террор, Виван Денон, наоборот, возвратился на родину – для того, чтобы обнаружить свое имя в списке эмигрантов и узнать, что его имущество конфисковано. Попасть в список эмигрантов и «подозрительных» во время якобинского террора было равнозначно вынесению смертного приговора. И Денон, снимая убогую квартирку на Монмартре, кое-как зарабатывая продажей порнографических рисунков, каждый день ждал, что настанет его очередь лечь под нож «матушки гильотины». Уже немало его друзей залили своей кровью эшафот, уже сам изобретатель «гуманного способа казни» доктор Гильотен опробовал свое изобретение на себе, но гильотина на площади Революции была ненасытна... Скорее всего, в дверь Вивана Денона тоже однажды ударили бы прикладами гвардейцы, из-за чего вся история египтологии пошла бы по-другому, если бы на его рисунки не обратил внимание «художник революции» Давид.

По заказу Давида Денон делает эскизы республиканских костюмов, и они получают милостивое одобрение Робеспьера. Робеспьер, бледневший от одного вида крови, но заливший кровью всю страну, в своем щегольстве доходил до смешного; не пожелав лишиться талантливого модельера, он вычеркнул имя Денона из списка эмигрантов и даже вернул художнику отобранное имущество.

Переворот 9 термидора положил конец Большому Террору и круто изменил судьбы многих людей. Автор знаменитой фразы, произнесенной о приговоренном к смерти химике Лавуазье: «Революция не нуждается в ученых!», Робеспьер был обезглавлен вместе со своими сподвижниками, их тела сбросили в яму с негашеной известью вслед за телами сотен их жертв. Всегда державший нос по ветру Давид, еще за день до переворота клявшийся в верности Робеспьеру, на следующий день уже отрекся от него, а впоследствии написал грандиозное полотно, изображающее коронацию императора Наполеона Бонапарта...

Но Денона ждала другая судьба. Он мечтал о настоящей работе, малевание даже очень профессиональных картин по заказу сильных мира сего не привлекало этого человека. Обаяние Денона помогло ему заручиться расположением супруги Бонапарта Жозефины Богарне, и та представила его Наполеону. Благодаря ее протекции художник и попал в египетский поход, откуда вынес куда более ценную добычу, чем все золото, отобранное французскими солдатами у коптов и арабов.

Египет потряс Денона обилием новых впечатлений: пески! Оазисы! Мечети! Нил!

Но больше всего его увлекли и заинтересовали египетские древности. Он рисовал пирамиды, храмы, статуи и изображения богов, он рисовал во время ожесточенного рукопашного боя и когда вокруг свистели пули. Наполеон послал генерала Дезэ преследовать отступавших к Верхнему Египту мамелюков – и Денон отправился с Дезэ. В бывших Стовратных Фивах он

не знал, за какой набросок взяться в первую очередь, глаза разбегались от обилия памятников: гигантские постройки, подземные ходы, настенные росписи, рельефы!

В разгар зарисовки входа в египетский храм Денон прервало появление отряда гренадеров:

– Месье Денон, нас атакуют мамелюки! Бегите, они вот-вот будут здесь! Мы послали за подкреплением!

– Отлично, ступайте за подкреплением, я пока еще порисую!

Денон пришлось силой оттащить от природы.

Наполеон не добился славы в египетском походе, зато победителем из него вышел Виван Денон: после капитуляции Бельяра рисунки Денон англичане признали «личным достоянием» и разрешили вывезти во Францию.

По возвращении Денон выпустил книгу «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту»; эта книга вызвала настоящую сенсацию, открыв для европейцев страну, интересовавшую раньше лишь немногих энтузиастов, вроде Карстена Нибура.

Облик храма Аменхотепа III на острове Элефантине дошел до нас только в рисунках Денон, потому что вскоре это строение было разрушено. Около сотни рисунков Денон посвятил городу памятников – Фивам. С удивительной точностью художник копировал иероглифы, о которых тогда еще никто точно не знал, что это – надписи, орнаменты или некие загадочные символы...

А еще карандаш Денон запечатлел таинственный камень, выкопанный французскими саперами при строительстве форта Ар-Рашид близ Розетты (Рашида). Извлеченная из песка плита сохранила три различные надписи: первые четырнадцать строчек были высечены древнеегипетскими иероглифами, следующие тридцать две строки – древнеегипетским курсивом (так называемым демотическим письмом), а нижние пятьдесят четыре строки представляли собой древнегреческий текст. Древнегреческая надпись содержала благодарность жрецов Птолемею V и кончалась словами о том, что надпись эта высечена «священными, туземными и эллинскими буквами».

Казалось, нетрудно будет путем сравнения древнегреческой надписи с иероглифами расшифровать загадочные знаки, которые де Сен Никола в свое время объявил простыми орнаментами, а Александр Лемуар – символами «иероастрономической науки».

Но Розеттский камень хранил свою тайну еще двадцать лет, пока не пришло время выступить на сцену гениальному лингвисту, соотечественнику Денон – Жану Франсуа Шампольону.

Лингвист Жан Франсуа Шампольон

Тайна иероглифов занимала людей задолго до египетского похода Наполеона, однако все попытки расшифровать загадочные письмена до поры до времени были тщетны.

Сразу же после наполеоновского похода некто Сильвестр де Саси, считавшийся крупнейшим ориенталистом своего времени, заявил: «Разгадка иероглифов? Это слишком запутанная и научно неразрешимая проблема!» К счастью, он ошибался. В Гренобле уже подрастал мальчик, которому суждено было найти решение этой «научно неразрешимой проблемы».

Жан Франсуа Шампольон родился 23 декабря 1790 года в городе Фижак на юго-востоке Франции в семье книготорговца. В пять лет одаренный малыш самостоятельно научился читать и писать, сравнивая заученные наизусть слова молитв с текстами в молитвеннике; в девятилетнем возрасте, опять-таки без помощи взрослых, он выучил латынь и греческий, в одиннадцать – прочел Библию на древнееврейском языке.

Старший брат Жана Франсуа, Жак Жозеф Шампольон, тоже весьма незаурядный человек, был профессором греческой словесности в Гренобле, к нему и приехал Жан Франсуа, чтобы получить образование сразу в двух школах – центральной городской и частной.

Однажды школу в Гренобле посетил префект Жозеф Фурье, известный математик, секретарь Египетской комиссии в экспедиции Наполеона. Конечно, школьный учитель не премировал похвастаться перед высоким гостем необыкновенными дарованиями своего ученика: мало кто из взрослых мог похвалиться знаниями стольких языков, сколько знал этот одиннадцатилетний мальчик! Чтобы поощрить маленького полиглота, Фурье пригласил Жана Франсуа осмотреть собранную в Египте коллекцию: зарисовки храмов и статуй, обрывки папирусов, покрытые загадочными знаками...

– Что здесь написано? – спросил мальчик, жадно рассматривая иероглифы.

– Неизвестно. До сих пор еще ни одному человеку не удалось их прочесть, – честно ответил Фурье.

– Я прочту! – заявил мальчуган. – Через несколько лет, когда вырасту!

Уверенность, с какой Жан Франсуа произнес эти слова, произвела на Фурье такое впечатление, что он записал их в дневнике... И вспомнил об этой записи через двадцать лет, когда Шампольон выполнил свое обещание.

Но до расшифровки иероглифов было еще далеко, а пока успехи младшего брата не только восхищали, но и слегка пугали Жака Жозефа: тринадцатилетний мальчик с настойчивостью одержимого изучал арабский и коптский языки (свой дневник он «для тренировки» писал по-коптски), в пятнадцать лет Шампольон-младший взялся за персидский, авестийский и санскрит, а «для развлечения» (!) занимался китайским.

В семнадцать лет Жан Франсуа Шампольон прочел перед членами Гренобльской академии введение к своей книге «Египет времен фараонов», представив составленную им карту Древнего Египта. Пораженные глубиной знаний и размахом замыслов юноши, ученые единогласно приняли Шампольона в члены Академии Гренобля.

Затем последовали два года учебы в Париже, где семнадцатилетний академик, голодая, хотя в отрешках, ютясь в холодной каморке на чердаке, продолжал усиленно изучать санскрит, зендский, пахлевийский языки... В 1809 году он вернулся в Гренобль уже профессором истории, с непоправимо подорванным здоровьем и полный решимости продолжить свой главный труд – дешифровку египетских иероглифов.

Все, что когда-либо писалось о Египте, хранил гениальный мозг Шампольона: свидетельства Геродота, Диодора Сицилийского и Страбона; заблуждения Горapolлона, рассматривавшего иероглифы как символическое письмо; смешные ошибки Иоанна Больцани и Пьера Ланглуа (первый «интуитивно» усматривал в иероглифах «символы языческих богов», а последний считал иероглифы прототипами гербов западноевропейского дворянства).

Сам Шампольон прошел через ряд ошибок и неправильных предположений, но фанатическое упорство не позволяло ему пасть духом от неудач. Как назло, преградами на пути к победе вставали не только лингвистические трудности, оказавшиеся непреодолимыми для его предшественников, но и бурные политические события в Европе.

Едва избегнувший солдатчины (благодаря отчаянным усилиям старшего брата, который с трудом добился того, чтобы юного гения не поставили под ружье во славу «императора Бонапарта»), во время знаменитых «ста дней» Шампольон оказался тем не менее среди приверженцев Наполеона. Возможно, Наполеон в ту пору показался ему меньшим злом в сравнении с угрозой иностранной интервенции. Как бы там ни было, Шампольон, известный ранее своими антимонархическими настроениями, взялся редактировать в Гренобле бонапартистскую газету. Как известно, недолгий триумф вернувшегося в Париж императора закончился печально: человек, чей военный гений стоил Франции четырех миллионов жизней, сменил островок Эльбу на островок Святой Елены. Судьбы поддержавших Бонапарта людей зачастую были не менее, а то и более трагичны, чем судьба самого Наполеона.

Жан Франсуа Шампольон после вторичной ссылки императора был объявлен изменником, лишен профессуры и отправлен в изгнание в родной Фижак, откуда он вернулся в Гре-

нобль через полтора года. Возвращение его было столь же неудачным, как и возвращение Наполеона: уволенный из университета, практически лишенный средств к существованию, Шампольон был вынужден уехать в Париж, где он вел уже привычное полугодовое существование. В Париже ученый и завершил свой беспрецедентный труд, заставив заговорить доселе немые египетские папирусы и камни.

Тот день, когда неуязвимый Розеттский камень «дал трещину», позволив Шампольону прочесть имя царя: «Птолемей», был началом победы недолговечного смертного человека над могущественным временем, тысячи лет скрывавшим от людей сокровища египетской цивилизации. Впервые разобрав без помощи греческого текста первые два древнеегипетских слова, Шампольон ворвался в комнату брата, бросил ему исписанные листки, воскликнул: «Я добился своего!» – и потерял сознание.

27 сентября 1822 года Жан Франсуа Шампольон выступил перед членами Французской академии наук с докладом о расшифровке египетских иероглифов.

А в 1828 году он наконец-то ступил на землю Египта и прежде всего отправился на то место, где был найден Розеттский камень, чтобы «поблагодарить египетских жрецов за благодарственную надпись 196 года до н.э.», позволившую пробиться сквозь века голосам давным-давно ушедших в Дуат древних египтян.

В какой бы самой убогой египетской деревушке ни появлялся Шампольон, местные жители сбегались посмотреть на человека, который может заставить заговорить мертвые камни. Слава великого ученого далеко опережала его; и важные беи, и бедные феллахи называли его «мой брат» – обращение, которого вряд ли удостоивался раньше какой-нибудь другой иноверец.

Ученый пробыл в Египте полтора года, копируя и переводя надписи, определяя этапы строительства древних храмов, изучая, сравнивая и делая одно открытие за другим... Но результаты этих трудов опубликовал уже помощник Шампольона, уроженец Пизы Ипполито Розеллини: в 1832 году великий лингвист скончался от паралича сердца.

Научное наследие Шампольона было так велико, что лишь после его смерти многие из важнейших трудов ученого, в том числе иероглифическая грамматика и словарь, были изданы его старшим братом. Сейчас в Парижской национальной библиотеке хранится свыше 20 рукописных томов Жана Франсуа Шампольона. Несмотря на ряд ошибок и заблуждений (а кто свободен от них?), гигантский труд человека, воскресившего мертвый язык древних египтян, просто невозможно переоценить.

И все-таки нельзя не упомянуть и о некоторых печальных последствиях сенсационного открытия Шампольона. В Египет из всех европейских стран хлынули орды коллекционеров древностей и просто любителей легкой наживы. То, что раньше как будто не имело цены, внезапно превратилось в валяющийся прямо под ногами клад; не обладающие археологической подготовкой и зачастую не питающие никакого почтения к древним святыням люди расхищали бесценные сокровища, калечили статуи и рельефы в стремлении добраться до более ценной добычи, безвозвратно уничтожали уцелевшие перед натиском времени предметы глубокой старины.

В связи с этой грустной страницей истории Египта стоит вспомнить двух человек – один из которых умер через год после гениального открытия Шампольона, а второй родился за год до него.

«Гиена в гробницах фараонов» – Джованни Бельцони

Джованни Бельцони можно назвать предшественником кладоискателей, наводнивших потом землю Египта, – во всяком случае, он был первым, кто действовал с таким размахом и столь успешно.

Биография его была пестрой и изобиловала неожиданными поворотами: сын бедного цирюльника, Джованни с детства проявлял склонности к техническим наукам и с шестнадцати лет изучал в Риме гидротехнику, но потом по не вполне понятным причинам ушел в монастырь. Монашеская келья недолго удерживала энергичного юношу, вскоре Бельцони сбросил рясу и... выйдя из монастыря, тут же оказался завербованным в наполеоновскую армию. Армейская муштра показалась Джованни ненамного привлекательней чтения молитв, он дезертировал из части и скрылся в Лондоне, где перепробовал множество занятий, в том числе сомнительное занятие лекаря-шарлатана.

Наконец Бельцони стал выступать в цирке в роли «самого сильного человека на свете»: сохранилась афиша, на которой он держит на спине одиннадцать человек, а в придачу – два итальянских флага. Однако страсть к изобретательству не покидала итальянца, так же как желание разбогатеть. А почему бы первой страсти не помочь второй? И вот, сконструировав невиданно мощный водяной насос, Бельцони отправляется в Египет, где, по слухам, воду до сих пор добывают при помощи допотопного «журавля».

Нанявшись подручным на маленькое судно, итальянец добрался до Александрии, а оттуда пешком, с моделью своего насоса на спине, дошагал до Каира. Настойчивый изобретатель даже сумел добиться аудиенции у египетского хедива Мухаммеда-Али, но эта встреча ничего ему не дала: хедива вполне устраивал и «журавль», он не вдохновился достижениями прогресса.

В результате Бельцони оказался посреди чужой страны без средств к существованию и без всяких надежд извлечь при помощи своего насоса золото из карманов тупых египетских правителей. Какое-то время он жил продажей мелких вещей, которые ему удавалось разыскать в здешней полной древностями земле, пока наконец британский консул Генри Соулт не предложил пронырливому итальянцу сделаться поставщиком предметов старины в Британский музей. Это было уже кое-что!

Заручившись обещанием, что все его находки будут оплачиваться золотом по «средней цене», Бельцони отправился в Долину царей и обшарил ее вдоль и поперек. В гробнице Сети I он обнаружил великолепный алебастровый саркофаг, правда, к сожалению, пустой, – но и пустой саркофаг стоил таких денег, что Британский музей оказался не в состоянии его купить. Позднее его приобрел для своей коллекции сэръ Джон Соун.

Бельцони все больше убеждался, что египетская земля набита сокровищами, которые только и ждут энергичного парня вроде него. Да, энергии у него было хоть отбавляй, он даже ухитрился вывезти несколько гигантских каменных обелисков, при помощи сотен рабочих и деревянных катков доставив их к берегу Нила. Один из обелисков при погрузке перевернул барку и затонул – тогда Бельцони изготовил лебедку и с построенного на воде помоста благополучно извлек многотонную тяжесть.

Покинув Долину царей, Бельцони приступил к исследованию пирамид, уверенный, что где-то в глубине этих каменных громад прячутся несметные сокровища. Пирамида Хефрена еще со времен Диодора Сицилийского считалась монолитной – однако упорный кладоискатель исследовал ее буквально дюйм за дюймом и наконец-таки нашел один незакрепленный блок. При помощи рабочих-арабов после нескольких дней каторжного труда Бельцони пробился внутрь пирамиды, чтобы в результате титанических усилий убедиться, что обнаруженный им ход – ложный. Другой бы на его месте опустил руки, но «самый сильный человек» решился еще на одну попытку, которая и привела его в погребальную камеру фараона Хефрена.

Однако судьба жестоко посмеялась над кладоискателем: достигнув ценой невероятных усилий заветной цели, Бельцони убедился, что его опередили: саркофаг был пуст, а на стене красовались автографы тех, кто побывал тут до него: «Мухаммед-Ахмед, Ахмед, Ахман, Мухаммед-Али»... Скорее всего (что послужило слабым утешением итальянцу), эти сыны ислама тоже нашли здесь пустой саркофаг, а все сокровища из пирамиды вынесли еще много

веков назад удачливые древнеегипетские святотатцы... Оставалось только надеяться, что их покарал за это шакалоголовый бог Анубис!

И все-таки Бельцони вернулся из Египта не с пустыми руками: в 1821 году на лондонском Пикадилли он предложил всем желающим полюбоваться выставкой своих трофеев, а также развлек почтеннейшую публику книгой «Рассказ о работах и новых открытиях в пирамидах, храмах, гробницах и при раскопках в Египте и Нубии». Книга эта, хоть и не могла похвастаться научной глубиной, читалась как самый интересный авантюрный роман – недаром она и принадлежала перу настоящего авантюриста.

Да, итальянец руководствовался в своих трудах корыстными побуждениями, однако он все равно заслужил благодарность потомков: в результате его усилий были спасены и сохранены многие предметы египетской древности.

Зато тот, чей памятник по сей день украшает Каир, был человеком совсем иного склада, хотя в чем-то его деятельность была схожа с деятельностью «одного из самых замечательных людей за всю историю египтологии», как назвал Джованни Бельцони знаменитый археолог Говард Картер.

Огюст Мариетт – создатель Каирского музея

Жизнь Огюста Мариетта, уроженца Булони, не была богата такими крутыми поворотами, как жизнь «одинокого шакала в египетских пустынях».

Он приехал в Египет в 1850 году, чтобы купить для Лувра кое-какие коптские надписи, и, подобно Денону, сразу же влюбился в Египет. Краткосрочный визит послужил началом дела всей его жизни: Мариетт посвятил себя спасению и сохранению памятников египетской старины.

Огюст Мариетт увидел самые грустные последствия открытия Шампольона и охватившего вслед за тем Европу «египетского ажиотажа». Грязные базарные лавчонки были забиты древними вазами и варварски отколотыми кусками рельефов, повсюду за бесценок продавали обрывки папирусов, за мизерный «бакшиш» расшатавшиеся плиты сбрасывали с пирамид для потехи туристов, настенные росписи в храмах уничтожали, чтобы добраться до воображаемых сокровищ.

Невежественные охотники за редкостями могли нанести Египту более страшный ущерб, чем нанесли когда-то завоевавшие эту страну гиксосы, и Мариетт встал на пути новоявленных варваров с не меньшим мужеством, чем Яхмос I, изгнавший из Та-Кемета «властителей пастухов».

Семь лет француз обивал пороги местных правителей, взывая то к патриотизму, к жадности, то к простому здравому смыслу тех, кто сменил у власти древних египетских номархов. Неизвестно, какое из этих чувств ему удалось-таки пробудить (скорее всего, первое), но в конце концов хедив Саид запретил раскопки и вывоз ценностей из Египта без ведома властей. Мариетт встал во главе Службы древностей Египта, осуществлявшей организацию археологических исследований, а в 1857 году создал в каирском предместье музей, послуживший основой для всемирно известного ныне Каирского музея.

Мариетту, который, в отличие от Бельцони, никогда не руководствовался в своих трудах жадной личной наживы, везло куда больше, чем азартному итальянскому кладоискателю.

Он откопал знаменитую «аллею сфинксов» близ пирамиды Джосера, которая привела его к высеченному в скале погребению, полному интереснейших находок; он открыл гробницу сановника Чи, относящуюся к XXV веку до н.э. – настенные рельефы в этой гробнице воспроизводили много живых, реалистичных сценок из повседневной жизни египтян; он обнаружил гробницу Птахотепа, возможно, легендарного автора знаменитого «Поучения Птахотепа», относящегося к XXV веку до н.э. . .

Один только перечень находок неутомимого энтузиаста мог бы занять несколько листов, так же как и перечень сокровищ, обнаруженных позднее Говардом Картером в гробнице Тутанхамона.

Мариетт умер в 1881 году, а в 1902 году основанный им музей перебрался из предместья на главную площадь Каира Тахрир. Неизвестно, как бы отнесся француз к своей статуе, которой решили почтить его египетские власти, зато он наверняка оценил бы то, что его дом в Саккаре был перестроен в очень неплохой ресторан под названием «Дом Мариетта»...

Однако говорить о людях, вырывавших у страны Та-Кемет тайну за тайной, можно бесконечно долго. Их еще больше, чем египетских богов, число которых при самом скромном подсчете переваливает за две тысячи. Поэтому лучше, не теряя времени зря, взглянуть на результаты их труда, на полный пробелов и помарок, но от этого не менее увлекательный свиток египетской истории.

Этот свиток уводит нас назад, к тем временам, когда, как вы помните, бог Гор, по примеру отца и деда, удалился от земных дел, оставив египетский трон своим смертным преемникам – фараонам...

ВРЕМЯ ФАРАОНОВ

В древности люди жили долго и всю жизнь трудились, не зная отдыха, как рабы, лихорадочно стремясь преуспеть в красноречии, в военном искусстве или в литературе, а потом расставались с жизнью в счастливом сознании, что имя их бессмертно и память о них сохранится вечно. Проносится двадцать кратких веков – и что остается от всего этого? Растрескавшаяся надпись на каменной плите, над которой обсыпанные табаком археологи ломают голову, путаются, и наконец разбирают только имя (которое читают неверно)... Что останется от славного имени генерала Гранта через сорок столетий? В Энциклопедии 5868 года, возможно, будет написано:

«Урия С. (или З.) Граунт – популярный древний поэт в ацтекских провинциях Соединенных Штатов Британской Америки. Некоторые исследователи относят расцвет его творчества к 724 г.н.э.; однако знаменитый ученый А-а Фу-фу утверждает, что он был современником Шаркспайра, английского поэта, и относит время его расцвета к 1328 г.н.э. – через три века после Троянской войны, а не до нее. Он написал «Убаюкай меня, мама».

От этих мыслей мне становится грустно. Я иду спать.

Марк Твен, «Простаки за границей, или путь новых паломников»

Любителям точности лучше иметь под рукой данный хронологический список «земных преемников Гора»:

РАННЕЕ ЦАРСТВО (ТИНИССКИЕ ДИНАСТИИ)

I династия – 2950–2770 гг. до н.э. (фараоны Гор Аха или Нармер,²³ Джер, Уаджи, Ден, Аджиб, Семерхет, Каа)

II династия – 2770–2640 гг. до н.э. (фараоны Хетепсехемун, Ранеб, Нинечер, Перибсен, Хасехемун).

СТАРОЕ (ДРЕВНЕЕ) ЦАРСТВО

III династия – 2640–2575 гг. до н.э. (фараоны Джосер, Сехемхет, Небкара, Неферкара, Небка, Санахт, Хаба, Хуни).

IV династия – 2575–2465 гг. до н.э. (фараоны Снофру, Хуфу – Хеопс, Джедефра, Хафра – Хефрен, Менкаура – Микерин, Шепсескаф).

V династия – 2465–2325 гг. до н.э. (фараоны Усеркаф, Сахура, Нефериркара, Ниусерра, Менкаухор, Джедкара, Унис).

VI династия – 2325–2155 гг. до н.э. (фараоны Тети, Усеркара, Пиопи I, Меренра I, Пиопис II, Меренра II, Нитокрис – царица).

ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

VII и VIII династии – 2155–2134 гг. до н.э.

IX и X династии – 2134–2040 гг. до н.э.

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО

XI династия – 2134–1991 гг. до н.э. (фараоны Иннотеф I, Иннотеф II, Иннотеф III, Ментухотеп I, Ментухотеп II, Ментухотеп III).

XII династия – 1991–1785 гг. до н.э. (фараоны Аменемхет I, Сенусерт I, Аменемхет II, Сенусерт II, Сенусерт III, Аменемхет III, Аменемхет IV, Нефрусебек – царица).

ВТОРОЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

XIII династия – 1785–1650 гг. до н.э.

XIV династия (параллельно с 13) – 1715–1650 гг. до н.э.

²³ Нармера, так же как и легендарного царя Скорпиона, часто относят к додинастическому периоду – около III тыс. до н.э.

XV–XVI династии (гиксосские) – 1650–1540 гг. до н.э.

XVII династии (паралельно с гиксосами) – 1650–1551 гг. до н.э. (фараоны Иниотеф – Антеф, Секненра – Таа, Камос).

НОВОЕ ЦАРСТВО

XVIII династия – 1552–1306 гг. до н.э. (фараоны Яхмос, Аменхотеп I, Тутмос I, Тутмос II, Хатшупсут – царица, Тутмос III, Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, Аменхотеп IV – Эхнатон, Семнехкара, Тутанхамон, Эйя, Хоремхеб).

XIX династия – 1306–1186 гг. до н.э. (фараоны Рамсес I, Сети I, Рамсес II, Мернептах, Сети II, Аменмес, Саптах, Таусерт – царица).

XX династия – 1186–1070 гг. до н.э. (Сетнахт, Рамсес III, Рамсес IV – Рамсес XI).

ТРЕТИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

XI династия – 1070–945 гг. до н.э. (фараоны Смендес, Псуссенес I, Аменемопе, Сиамон, Псусенес I).

XXII династия (бубастидская) – 945–722 гг. до н.э. (фараоны Шешонк I, Осоркон I, Осоркон II, Такелот II, Шешонк III, Пами, Шешонк V).

XXIII династия – 808–715 гг. до н.э. (фараоны Петубастис, Осоркон III, Такелот III и другие).

XXIV династия – 725–712 гг. до н.э. (фараоны Тefнахт, Бокхорис).

XXV (эфиопская) династия – 712–664 гг. до н.э. (фараоны Шабака, Тахарка, Танутамон и другие).

АССИРИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ – 673 – 525 гг. до н.э.

ПОЗДНЕЕ ЦАРСТВО

XXVI династия (саисская) – 664–525 гг. до н.э. (фараоны Псамметих I, Нехо II, Псамметих II, Априй I, Амасис, Псамметих III).

ПЕРСИДСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО (XXVII династия) – 525–404 гг. до н.э.

XXVIII династия – 404–399 (фараон Амиртей).

XXIX династия – 399–380 гг. до н.э. (фараон Акорис и еще три царя).

XXX династия – 380–343 гг. до н.э. (фараоны Нектанеб I, Теос, Нектанеб II).

ВТОРОЕ ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ – 343–332 гг. до н.э.

МАКЕДОНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО – 332–305 гг. до н.э.

ПТОЛЕМЕИ – 305–30 гг. до н.э.

Однако любители точности будут наверняка разочарованы, узнав, что приведенные выше даты являются в значительной степени условными. Чем дальше египтологи продвигаются вглубь времен, тем больше они расходятся в датировках: для Старого царства разброс дат составляет 150 лет, для Первого переходного периода – 100 лет, для Среднего царства и Второго переходного периода – 50 лет, а для Нового царства и Третьего переходного периода – 20 лет. Считается, что точные даты начинаются с VII века до н.э., но, памятуя цитату из Марка Твена, послужившую эпиграфом к данному разделу, не хотелось бы слишком обольщаться на этот счет.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что не только точное время правления легендарного фараона Менеса неизвестно ученым, но и до сих пор идут ожесточенные споры, с каким же из древних владык следует отождествлять объединителя Египта – с Нармером или с Гором Аха? Многие даже сомневаются, что именно Менес объединил Верхний и Нижний Египет, полагая, что это произошло еще до прихода к власти I династии.

Как бы там ни было, Менес является первым летописным царем в так называемом «списке Манефона», жреца из Савенита, жившего в III веке до н.э.

Увы, капитальный труд Манефона по истории Египта не дошел до наших дней, с ним можно познакомиться только по цитатам из Иосифа Флавия, Юлия Африкана и других более

поздних писателей. А жизнь и правление Менеса являются для нас такими же легендами, как и правление его предшественников – богов Геба, Осириса и Гора... Дымкой легенд окружены и имена многих преемников Менеса – земных воплощений Гора.

Хорошо это или плохо? Для любителей точности плохо. Для любителей мифов – хорошо. Но и тем и другим придется принять это, как объективную реальность, данную нам в ощущениях. И в ожидании того момента, когда будет изобретена машина времени и Менес наконец-то сможет признаться, кто же он на самом деле – Нармер или Гор Аха, давайте все-таки попытаемся взглянуть в лицо некоторым египетским фараонам.

Менес – объединитель Египта

На знаменитой «палетке Нармера» фараон заносит булаву над головой стоящего перед ним на коленях поверженного врага. На обратной стороне палетки победоносный владыка изображен на поле брани, где ровными рядами лежат его обезглавленные противники. Судя по этим изображениям, покорение Нижнего Египта было достигнуто немалой кровью, но о других войнах Менеса нам ничего не известно. Создается впечатление, что после объединения страны фараон занимался исключительно мирными делами, обустроивая свою страну.

Первоначально столицей Менеса был город Тин, но после завоевания Нижнего Египта царь построил на границе Верхней и Нижней Земли новую столицу, более всего известную под греческим названием Мемфис. Одно из египетских названий этого города переводится весьма красноречиво – «Весы Обеих Земель». Новая столица легендарного владыки и впрямь находилась в стратегически важном месте между Обими Землями; отсюда Менес управлял своим государством, здесь венчались на царство многие последующие фараоны.

Согласно легенде, именно Менес разделил страну на номы и поставил во главе каждого из них наместника-номарха. В обязанности номарха вменялось выполнение планов, присылаемых ему из столицы. Планы эти были весьма обширны и включали ирригационные работы (с сохранением специальных заболоченных участков для охоты и рыбной ловли), строительство, земледелие – и, конечно, поставку продуктов в столицу и в многочисленные храмы.

Уже в те годы была заложена основа древнеегипетского общества, сохранившегося все последующие тысячелетия: строгое подчинение центру, не менее строгая организация работы на местах, бюрократизация и беспощадная регламентация жизни всех египтян, от фараона до последнего раба. Всякий раз, когда отработанный веками порядок нарушался, Та-Кемет постигали упадок и бедствия.

«Цари не вольны были поступать по своему усмотрению, – пишет в своей «Исторической библиотеке» Диодор Сицилийский. – Все было предписано законами, и не только государственная, но и частная, обыденная жизнь. ... часы дня и ночи, когда царю надлежало выполнять какую-либо из своих обязанностей, предписывались законом и не могли нарушаться даже по собственному желанию царя».

Эти слова относятся к более позднему периоду истории Египта, но, несомненно, основы подобного порядка были заложены еще при первых фараонах, список которых возглавляет Менес.

Менес создал государственные отряды ремесленников, возводивших храмы, строивших верфи, выполнявших различные общественные работы. Учет всех работ, произведенных продуктов и ценностей осуществляли многочисленные писцы. Кстати сказать, греческие авторы именно Менеса считали изобретателем египетской письменности, отбирая эту заслугу у мудрейшего бога Тота. Греки приписывали первому фараону также введение в обиход многих предметов роскоши, а его супруге – изобретение замечательного притирания для волос.

Смерть Менеса окутана таким же туманом легенд, как и его жизнь: по одному из преданий, фараон в преклонном возрасте был убит на охоте гиппопотамом.

Еще одна легенда называет его сына и наследника, Атотиса, талантливым врачом и мемфисским жрецом. Атотис и другие преемники Менеса подготовили страну к невиданному расцвету, начавшемуся в «эпоху великих пирамид», как иные энтузиасты называют Древнее царство.

Джосер – первый фараон Древнего царства и Имхотеп – инопланетянин и бог

Джосер был первым фараоном Древнего царства, но прославился он больше всего не этим, не мудростью своего правления и не победоносными походами в Нубию и в Синай. Его имя увековечено тем, что на царском кладбище близ Мемфиса он повелел выстроить первую в истории пирамиду, отступив от традиций предшественников, которых хоронили в небольших (по сравнению с пирамидами) сооружениях из камня или кирпича – мастабах.

По приказанию фараона гениальный архитектор Имхотеп – личность еще более легендарная, чем сам Джосер, – воздвиг на месте нынешней деревни Саккары 60-метровую каменную пирамиду, состоящую из шести суживающихся сверху уступов. Ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению, намеренно или нет пирамида Джосера строилась в несколько этапов и можно ли считать Имхотепа изобретателем каменного зодчества. Как в ту пору, когда люди не знали еще не только подъемных кранов, но даже простого ярма для тяглового скота, египтяне умудрились сложить из неподъемных каменных блоков 60-метровую громаду с основанием 125 на 115 метров?

На последний вопрос у «исследователей» вроде Эриха фон Деникена, автора книг «Воспоминание о будущем», «Назад к звездам» и «Посев и космос» есть однозначный ответ: пирамиды построили пришельцы из космоса с помощью своей высокоразвитой техники. *«Нет никаких сомнений, – пишет в своей книге фон Деникен, – что с нашим прошлым давностью в тысячи и миллионы лет не все в порядке. Оно кишит неведомыми божествами, которые в составе экипажей космических кораблей посещали добрую старую Землю».*

Именно инопланетяне (которых Деникен время от времени именует «богами»), в порядке гуманитарной помощи, построили египетские пирамиды, баальбекскую веранду, а также храмы майя и посадочные полосы в пустыне Неска.

Имя инопланетянина, руководившего строительством первой египетской пирамиды, в переводе означает «Тот, кто *приходит* в мире», но, увы, только это и «указывает» на его инопланетное происхождение. Несмотря на свое имя, *пришельцем* из космоса Имхотеп не был, зато богом он действительно стал – правда, через много лет после своей смерти, в эпоху XXVI династии.

В надписи на цоколе статуи Джосера Имхотеп именуется хранителем печати царя Нижнего Египта, первым после фараона, управителем великого дворца, знатным по наследству, верховным жрецом Гелиополя, плотником, ваятелем, изготовителем каменных сосудов. Легенды говорят об этом разностороннем человеке также как о маге, врачевателе, астрологе и писателе, авторе не дошедших до нас поучений.

А ведь Имхотеп, хотя и был сыном «начальника работ севера и юга», начал свой труд всего лишь как скромный резчик по камню. И вот он становится главным зодчим, высшим сановником, верховным жрецом – и, превзойдя все вершины карьеры, причисляется (пусть посмертно) к сонму великих богов. Есть ли еще пример столь головокружительного взлета – и взлета столь заслуженного?

Погребальный комплекс в Саккаре был задуман как вечный памятник фараону Джосеру, но стал памятником не только владыке Обеих Земель, но и хранителю его печати. До сих пор первая египетская пирамида потрясает воображение, так же как и окружающие ее постройки.

Еще большее впечатление некрополь производит, когда вспоминаешь, что он был именно *первым*, что до Имхотепа никто не пытался строить столь грандиозных каменных сооружений.

Судя по проведенной не так давно реконструкции, погребальный комплекс ограждала стена высотой в 11 метров, длиной в полтора километра, с многочисленными бастионами и с 14-ю ложными воротами. Единственные настоящие ворота находились в юго-восточной стороне стены и напоминали узкую щель в метр шириной и 6 метров высотой. Вероятно, ворота были постоянно открыты, их охраняла вооруженная стража – никаких следов запоров на них не найдено. За входом начиналась крытая камнем колоннада длиной в 54 метра, а дальше открывался огромный двор, подводящий к усыпальнице Джосера и его семьи. В большом подземном погребальном комплексе находились не только царские гробницы и гробницы поданных фараона, там таился целый подземный каменный город: галереи, проходы, кладовые, предназначенные для еды и питья (да не будут испытывать умершие голода и жажды в загробном мире!), многочисленные помещения, назначение которых до сих пор остается для ученых загадкой.

Если даже сейчас творение Имхотепа производит на людей, избалованных видом Эйфелевой башни, Эмпайр Стейт Билдинг и собора Святого Марка столь ошеломляющее впечатление, что они начинают поминать богов и инопланетян, неудивительно, что древние египтяне сочли создателя этого каменного чуда богом и сыном богов.

Через два тысячелетия после смерти Имхотепа его объявили сыном Птаха и львиноголовой богини Сехмет и даже ввели в одну из великих египетских «триад». Богу-архитектору воздавали почести в храмах в Карнаке, Дейр эль-Бахри, Дейр эль-Медине, в Саккаре; он считался покровителем писцов, зодчества и медицины. Последнее обстоятельство заставило греков отождествить Имхотепа со своим богом-врачевателем Асклепием, который, как известно, тоже родился человеком и только после смерти был причислен к богам. Часовня Имхотепа в Саккаре в эпоху Птолемеев стала называться Асклепионом, и сотни страждущих стекались туда в надежде на излечение...

Поэтому любой египтянин начиная с XXVII династии полностью согласился бы с Эрихом фон Деникеном: да, пирамиду Джосера воздвиг никто иной как бог!

А фараоны, правившие после Джосера, еще не раз прибегали к любезной помощи инопланетян, возводя себе надгробные памятники один поразительней другого.

Хеопс, Хефрен и Микерин – создатели пирамид-гигантов

Процитируем еще раз книгу бывшего официанта, бывшего владельца отеля в Давосе, бывшего заключенного долговой тюрьмы Эриха фон Деникена, который знает о пирамидах куда больше Геродота, Шампольона, Мариетта и Перепелкина, вместе взятых: *«Перед нами стоит искусственный холм почти столетидесятиметровой высоты и весом 31,2 миллиона тонн. И говорят, будто этот колосс не что иное, как гробница заурядного правителя! Пусть верит, кто может...»*

Присоединяясь к числу таких легковверных простаков, попытаемся представить, кем был для своих поданных фараон эпохи Древнего царства, отнюдь не казавшийся египтянам «заурядным правителем» (неважно, удачными или неудачными были его земные дела).

Любой фараон – да живет он, да здравствует и да благоденствует! – был не только владыкой Обеих Земель, но и живым воплощением Гора, наследником трона благого Осириса. Церемония коронации нового правителя Египта потрясала сердца и души счастливых, сподобившихся ее лицезреть. На коронации присутствовали боги и богини всех провинций Египта, бело-красную корону Пшент вручали новому владыке боги Гор и Сет, символизируя тем самым не только объединение севера и юга, но и восстановление порядка в осиротевшей с уходом прежнего фараона стране. Бог Тот и богиня Сешет вписывали на священном дереве Гелиополя

пять имен нового царя: имя Гора; имя золотого Гора; имя, защищаемое богинями Нехбет и Уаджет; его родовое имя и личное имя.

Тем временем повсюду шли всенародные празднества, лились водопады пива и реки вина. На четыре стороны света выпускали четырех белых гусей, дабы они оповестили всех о приходе нового царя. На всякий случай вслед за гусями к номархам отправлялись вестники с посланиями, скрепленными личной печатью фараона. Не просто царь воцарялся на троне «Гора живущих», нет, восходило новое солнце, в мир являлся тот, кто будет поддерживать установленный Маат миропорядок, ибо даже Нил не разливался без специального брошенного в воду указа фараона!

Фараон считался живым божеством, а божества не умирают. Прежний владыка Египта тоже не умирал – он, как и положено солнцу, «восходил на горизонт» чтобы возродиться к жизни в Дуате, путь в который, как мы знаем, был труден, длинен и опасен. Даже душа самого фараона могла рассчитывать на возрождение и вечную жизнь в царстве мертвых только при условии выполнения десятков сложных ритуалов – и в том случае, если мумия усопшего владыки сохранялась, подобно мумии Осириса. Поэтому неудивительно, что «восшедшие на горизонт» цари Египта отправлялись в Дуат из грандиозных сооружений, вполне достойных наследников великих богов.

Самой большой из всех египетских пирамид является пирамида фараона Хуфу, или, как его называли греки, Хеопса, с именем которого связано множество противоречивых легенд.

«...Хеопс вверх страну в пучину бедствий, – сообщает в своей «Истории» Геродот. – Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь через каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы, – работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды...

...Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег – сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой поставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей по крайней мере один камень для сооружения гробницы».

Так рассказывает о фараоне Хеопсе, со слов египетских жрецов, Геродот, добавляя, что сооружение Великой пирамиды заняло 20 лет, а возмущенный народ так ненавидел Хеопса и Хефрена, что даже старался не упоминать их имена, называя их чудовищные усыпальницы пирамидами Флитиса – по имени простого пастуха, который пас неподалеку свой стада.

Греческого путешественника часто обвиняли и обвиняют до сих пор в поверхностности и недобросовестности,²⁴ а то, что он сообщает о Хеопсе, вызывает возмущение многих поклонников Древнего Египта. Например, французский египтолог Кристиан Жак со всем пылом встает против подобной «извращенной и жалостливой картины».

«Надо сразу развеять глупый миф о тысячах рабов, изнуренных жарой, со спинами, исполосованными бичом, поднимающих под надзором жестокого надсмотрщика камень за

²⁴ В защиту Геродота следует сказать, что он всегда использовал все доступные ему источники, от официальных документов до рассказов очевидцев, причем ко многому, что рассказывали его многочисленные местные информаторы, относился весьма критически. "Я передаю то, что мне рассказывали, но я не обязан в это верить", – неоднократно повторяет Геродот. Греческий путешественник старался собрать как можно более полные сведения о любой стране, где он бывал, но был лишен возможности лично проверить все, что ему говорили. Зато он всегда старался интерпретировать собранные факты, опираясь на логику и здравый смысл – в этом у него не мешало бы поучиться тому же Эриху фон Деникену, чьи расчеты, посвященные Великой пирамиде, пестрят нелепейшими ошибками. А цифровые данные Геродота о пирамиде Хефрена удивительно точны.

камнем на кладку, – протестует писатель в своей книге «Египет великих фараонов». – ...*Пирамиды не могли быть построены рабами «из-под палки». Совершенство этих памятников исключает всякий подневольный, бездумный труд. ...сцены в мастабах, гробницах знати, показывают не подневольных людей, а трудолюбивый и счастливый народ».*

К сожалению, аргументы подобного рода не очень весомо звучат в стране, чей «трудолюбивый и счастливый народ» вымостил своими костями такое грандиозное сооружение, как Беломорканал. А ведь заключенные Беломорканала зачастую не имели даже тех примитивных инструментов, какими располагали строители Великой пирамиды: деревья валили без пил, вручную, раскачивая их канатами! Что же касается изображений «трудолюбивого и счастливового народа», вспомните рельефы, которые украшают, скажем, залы московского метрополитена – вряд ли их можно считать правдивыми иллюстрациями к жизни в стране «победившего социализма».

«Тот, кто имеет представление об эпохе строительства пирамид, знает, что их возводили гениальные мастера, знатоки своего дела, камнетесы, геометры, специалисты по подъему тяжестей», – утверждает восторженный француз.

Но нетрудно понять, что сколько бы подобных специалистов не было в Древнем Египте, без помощи тысяч простых рабочих им никогда не удалось бы соорудить пирамиду объемом 2520 000 кубических метров. Поэтому сведения Геродота, которые Кристиан Жак называет «низкой клеветой» и «сомнительными анекдотами», кажутся все-таки куда более близкими к истине, чем картина, которую рисует французский поклонник великодушных и добрых египетских фараонов: свободные счастливые люди, объединенные в рабочие отряды, радостно трудятся под руководством мудрых зодчих, вдохновляемых просвещенными гуманными владыками... Причем последние являются образцом заботливых «отцов народа» и даже войны ведут явно не для того, чтобы расширить свои владения и захватить добычу, а исключительно с целью укрепления мира в Египте и... во всем мире.

До боли знакомая картина – не хватает только соревнования между рабочими отрядами за звание ударной бригады! Кстати, всех, кто помнит о не столь далеком прошлом нашей страны, на интересные мысли могут привести названия некоторых отрядов, трудившихся на строительстве пирамиды Хеопса: одна команда называлась «Хуфу пробуждает любовь», другая – «Белая корона Хуфу могуча»... Кое о чем может рассказать также раскопанный археологами поселок строителей, живших в длинных казармах-бараках западнее Великой пирамиды. Этот поселок окружала высокая каменная стена – по мнению одних, возведенная для защиты трудящихся от песка пустыни и от хищников, а по мнению других – построенная для предотвращения побегов рабочих, в которых Хуфу так и не сумел пробудить любовь. Во всяком случае, любовь к столь почетному делу, как строительство его усыпальницы.

Но каким бы образом ни строилась Великая пирамида Хеопса, она действительно была и остается великой. Эта рукотворная гора, сложенная из 2 500 000 каменных блоков, первоначально имела высоту 146,7 метра (сейчас – 137,3 метра). Подсчитано, что внутри усыпальницы Хеопса могли бы поместиться дворцы всех ныне царствующих владык, а вес ее (около 7 млн тонн) превышает тоннаж всего военного флота США!

Сын Хуфу фараон Хафра (греки называли его Хефреном) воздвиг себе пирамиду всего на 3 метра ниже отцовской. Эти две громадины в Гизе вплоть до XIX века оставались самыми высокими созданиями человеческих рук, пока в 1880 году их не превзошли две надстроенных башни Кельнского собора, а в 1889 году – Эйфелева башня.

И все-таки о самих создателях величайших египетских пирамид известно на удивление мало. Геродот называет Хефрена таким же безжалостным правителем, каким был и его отец, а вот о фараоне Менкаура (по-гречески – Микерине), тоже построившем для себя пирамиду, греческий историк рассказывает как о добром и кротком, но несчастном правителе. Согласно преданию, Менкаура сперва потерял любимую дочь, а потом царю было предсказано, что ему

осталось жить всего шесть лет. Чтобы обмануть судьбу, фараон начал проводить дни и ночи в пирах, превращая день в ночь и пытаясь таким образом приравнять шесть лет к двенадцати. Кстати, интересно звучит название одной из бригад, трудившихся на строительстве пирамиды этого царя, – «Менкаура-пьяница» (или, в более мягком переводе, – «Менкаура опьяненный»).

Также любопытен ответ богини Маат посланным к ней гонцам фараона, спросившим, отчего злодеям Хуфу и Хефрену была отпущена столь длинная жизнь, а добродетельному Менкауру – столь короткая.

– Именно потому, что фараон так добр и справедлив, я и сократила срок его жизни, – ответила богиня. – Египту суждено было претерпевать бедствия 150 лет, и Хуфу и Хафра это поняли, а Менкаура не понял.

Легенда говорит, что, тем не менее, Менкаура царствовал 18 лет (Манефон утверждает, что 63 года!), но по его пирамиде создается впечатление, что он и впрямь предчувствовал свою раннюю смерть. Фараон умер, когда пирамида была всего 20 метров высотой, ее надстраивал уже его преемник и сын Шепсескаф. Окончательная высота усыпальницы Менкауры составляла 66 метров, сейчас она на 4 метра ниже – и, конечно, ограблена, как и все остальные египетские пирамиды.

Каменные громады, призванные даровать вечную загробную жизнь лежащим в них фараонам, привели к обратному результату. Вместо того чтобы внушать благоговейный трепет грабителям могил, они поневоле наводили на мысль о бесценных кладах, хранящихся в их недрах.

Ни хитроумные ловушки, ни запутанные ходы, ни стоящая на страже статуя шакалового Анубиса – грозного хранителя могил – ничто не смогло послужить защитой умершим владыкам Египта. Преграды, иногда ставящие в тупик даже вооруженных современной техникой археологов, не удержали дерзких древнеегипетских воров, и порой не знаешь, возмущаться ли деяниями этих святотатцев, безвозвратно уничтоживших тысячи шедевров древней культуры (ибо грабителей, конечно, интересовало только золото, а не то, чтобы было из него сделано), или восхищаться их бесстрашием и изобретательностью? Преодолев все ловушки, пойдя на немислимый риск, не убоившись ни страшного наказания земных властей, ни гнева богов, отважные воры становились обладателями сокровищ, которые даже трудно себе вообразить. И, вторгнувшись в святая святых усыпальницы фараона, грабители совершали самое страшное – уничтожали мумию царя, чтобы избегнуть мести ограбленного владыки. С уничтожением мумии уничтожалось и «Ка» фараона, а это вело к бесследному исчезновению его сущности в Дуате.

Ужасней такой судьбы для древнего египтянина ничего не могло быть. И когда стало ясно, что пирамиды не способны обеспечить своим владельцам вечную жизнь на Полях Камыша, фараоны отказались от их возведения.

В Новом царстве фараонов стали хоронить уже не в Гизе, а в Долине царей, большее внимание уделяя не помпезности, а, наоборот, скрытности могил... Впрочем, и подобные меры предосторожности не смогли уберечь гробницы от разграбления, а мумии царей от поругания, уж слишком велика была награда в случае удачного грабежа! Благодаря алчности древнеегипетских воров жалкий бедняк, похороненный в песке с одной-единственной статуэткой-ушебти под боком, мог чувствовать себя в Дуате в большей безопасности, чем усыпанный сокровищами мертвый фараон.

Можно лишь гадать, какие несметные богатства содержали три великие пирамиды в Гизе до того, как в них побывали грабители. А может быть, правду говорят легенды, что, испугавшись гнева народа, Хеопс и Хефрен приказали похоронить себя в тайном месте, оставив свои огромные каменные усыпальницы пустыми? Согласно другому преданию, возмущенный народ вытащил мумии тиранов из пирамид и растерзал...

Очень трудно сказать теперь, какие из легенд, догадок, предположений, древних сказок и современных научных версий о Хеопсе, Хефрене и Менкаура истинны, а какие ложны. Кто

прав – Геродот или Кристиан Жак, а может быть, ни тот, ни другой? Какими были в действительности полумифические создатели трех самых больших пирамид в оазисе Гизе?

Вереница веков скрыла от нас их подлинные лица, так же как лица тех, кто возводил единственное дошедшее до нашего времени чудо света.

Но люди и по сей день взирают на пирамиды с таким же изумлением и восхищением, с каким смотрел на них когда-то Геродот, неутомимый путешественник из Геликарнасса. И по сей день можно вспомнить древнюю поговорку: «Все на свете боится времени, но время боится пирамид»!

Древнее царство просуществовало около пятисот лет, оставив потомкам не только пирамиды, но и величественные храмовые постройки, обелиски, дороги из гранита и известняка, шедевры живописи и ваяния, поэтические молитвы, заклинания и мифы.

Однако к концу III тысячелетия до н.э. порядок, который казался таким незыблемым, рухнул: стремившиеся к самостоятельности номархи перестали подчиняться власти мемфисских фараонов, и страна раздробилась на множество враждующих друг с другом номов. Два столетия Египет раздирали смуты, пока Ментухотеп I не завоевал одну за другой все области Обеих Земель, заново воссоединив страну.

Началась эпоха Среднего царства, богатая как войнами и внутриворцовыми заговорами, так и взлетами египетской культуры. Она завершилась новой катастрофой – вторжением гиксосов, семитских племен скотоводов-кочевников. «Властители пастухов», или, как сначала их называли египтяне, «властители чужих гористых пустынных краев», процарствовали на египетском троне 108 лет, оставшись в памяти египтян длившимся целое столетие кошмаром.

Только к концу «гиксосского завоевания» в Фивах появились собственные цари, один из которых – Камос – поднял народ на борьбу с захватчиками. Войну с гиксосами победоносно завершил уже сын Камоса Яхмос I; он изгнал чужаков и стал основателем XVIII династии, с которой начинается Новое царство – эпоха наивысшего расцвета Древнего Египта.

Последователи Яхмоса расширили границы страны вплоть до Сирии, Нубии и верховьев Евфрата. Тутмос I начертал на берегах Евфрата надпись, отмечавшую рубеж его владений, но было ясно, что это еще не конец экспансии египетских фараонов. Тутмосу II уже пришлось столкнуться с восстаниями на захваченных его предками обширных территориях и с восстаниями в самом Египте. Царь успешно подавил все беспорядки и приготовился продолжить победоносные войны своих предшественников, но...

Молодой фараон безвременно «взошел на горизонт», после чего внешняя политика Египта резко изменилась – на трон вступила супруга Тутмоса II, царица Хатшепсут.

Хатшепсут – женщина-фараон

До Хатшепсут на египетском троне уже восседали женщины, но всякий раз их недолгое правление являлось прелюдией к эпохе очередного упадка. А царствование жены Тутмоса II пришлось на самый расцвет Египта и длилось более 20 лет.

Официально Хатшепсут считалась регентшей при своем малолетнем племяннике Тутмосе III, но уже через два года после смерти мужа она начала выступать как полновластный глава государства, присвоив себе всю атрибутику египетских царей. Стараясь ни в чем не уступать правителям-мужчинам, Хатшепсут стала носить мужскую одежду, надевать накладную бороду (которая, как ни странно, не портила ее женственное тонкое лицо) и велела титуловать себя так, как в Египте всегда титуловали царей, убрав женские окончания из всех своих имен.

И все-таки правление женщины-фараона сильно отличалось от правления фараонов-мужчин. При Хатшепсут египтяне не ходили в военные походы – они строили, восстанав-

ливая разрушенные гиксосами храмы и возводя новые; они не захватывали новые территории – а путешествовали; они не склоняли новые народы под египетское ярмо – а торговали с ними.

Широко известна экспедиция в страну ладана, совершенная по воле царицы, которую вдохновил на это сам верховный фиванский бог Амон. Пять кораблей по тридцать гребцов в каждом отправились в далекий Пунт (современные исследователи помещают страну ладана на побережье нынешнего Сомали), везя для обмена оружие и бусы.

Возвращение экспедиции было похоже на первое, триумфальное, возвращение Колумба в Испанию после открытия Нового Света. Царица приняла вернувшихся путешественников в садах храма Дейр-эль-Бахри, где были высажены привезенные из Пунта драгоценные деревья ладана, и сам Амон соизволил присоединиться к празднику, дабы насладиться ароматом изысканных благовоний. Кроме ладана посланцы Хатшепсут привезли золото, эбеновое дерево, слоновую кость, забавных маленьких обезьянок. Вдохновитель экспедиции Амон мог быть доволен еще и тем, что на берегах Пунта осталась его статуя – вместе со статуями самой Хатшепсут и богини Хатхор, считавшейся владычицей Пунта.

Да, мирные начинания царицы проходили весьма успешно, зато другие аспекты ее правления были далеко не столь удачны для сохранения великодержавной мощи Египта.

Политика мира привела к тому, что многочисленные азиатские провинции, присоединенные к стране при предыдущих фараонах, воспряли духом в надежде сбросить с себя иноземную власть. Множество мелких стран и княжеств объединились в антиегипетскую коалицию, возглавляемую сильным хурритским государством Митанни. Сражаться с этой коалицией после смерти Хатшепсут пришлось Тутмосу III, самому воинственному царю за всю историю Та-Кемет.

Историческая традиция говорит о вражде Тутмоса и его тетки, о том, что после кончины женщины-фараона ее преемник повелел уничтожить изображения царицы и сбивать ее имя на памятниках, но далеко не все археологические данные подтверждают эту версию. Например, нетронутым остался храм в Дейр-эль-Бахри, по рельефам на стенах которого можно прочесть историю всего царствования Хатшепсут, в том числе и легендарного путешествия в «страну ладана», Пунт. Однако неоспоримым фактом остается то, что после смерти Хатшепсут долгий мирный период истории Египта сменился периодом наивысшей египетской экспансии, раздвинувшей границы страны от Ливии до Верхнего Евфрата.

Семнадцать военных походов Тутмоса III, прозванного впоследствии «египетским Наполеоном», сделали Египет самой могучей страной древнего мира и залили кровью все окрестные страны. Тутмос, покоривший более шестисот местностей и городов, отбыл в Дуат в возрасте 70 лет, готовясь заявить перед судом Эннеады, что он никого не убивал (так гласила надпись на его саване).

Теперь Та-Кемет внушал трепет врагам и почтение союзникам. Преемники фараона-воина Аменхотеп II и Аменхотеп III делали все, чтобы поддержать кровавый престиж своей державы, громя сирийские города и успешно отражая вылазки главных противников Египта – хеттского и митаннийского государств. Оба Аменхотепа отличались не только воинственностью, но и неслыханной личной мощью: первый из них (как гласит надпись на стеле в Карнакском храме) во время одного из сражений собственноручно проломил палицей головы семейных сирийских вождей, а второй обожал развлекаться охотой на львов и перещеголял своего предка, убив во время одной из охот сотню диких быков! Воистину, перед такими свершениями бледнеют подвиги Геракла и Гильгамеша!

Но вот на смену истребителю львов и быков Аменхотепу III пришел его сын Аменхотеп IV, явно неспособный проломить голову даже новорожденному теленку. Новый фараон и не пытался собственноручно уничтожать диких зверей, сирийцев и нубийцев – вместо этого он сделал то, на что не отваживался ни один из его могучих предков: поднял свою худосочную

руку на египетских богов. Больше того – на людей, которые были могущественнее самих бессмертных, на фиванских жрецов, служителей верховного бога Амона!

Эхнатон – еретик и поэт

К тому времени фиванское жречество давно уже превратилось в своеобразное «государство в государстве». Вспомните трудный путь египтян в Дуат – и вам станет ясно, какими богатствами и каким влиянием пользовались люди, в чьих руках находилась загробная жизнь всех людей Та-Мери, от землепашца до фараона. А воинственные владыки Нового царства, хотя и расширили свои владения от моря до моря, мало-помалу утратили ореол божественности, которым обладали их предки. Царь-воин, царь-охотник, царь-полководец слишком стал похож на человека и слишком мало – на бога, в отличие от великих фараонов Древнего царства. В эпоху Джосера, Хуфу, Менкауры один только царь имел право напрямую общаться с богом, в официальных надписях иногда даже говорилось, что он превыше всех богов; а теперь жрецы осмеливались влиять на передачу власти от одного фараона к другому, ссылаясь на указание верховного фиванского божества Амона!

И Аменхотеп III решил вернуться к славным временам, когда фараон являлся для своих подданных земным богом. Но для этого ему требовалось сокрушить тех, кто стоял на пути к его единовластному могуществу – жрецов Стовратных Фив. В противовес поклонению Амону царь мало-помалу выдвинул на первый план поклонение Солнцу – Атону, изображавшемуся в виде солнечного диска со множеством лучей-рук.

До сих пор идут споры о том, был ли Аменхотеп IV искренне верующим человеком или же он создал культ Атона как средство борьбы со своими противниками-жрецами? По-моему, одно не исключает другое. А наблюдая за ходом его борьбы, трудно отделаться от мысли, что чем дольше фараон поклонялся солнечному богу, тем большим приверженцем Атона он становился. Разве не могло случиться так, что царь-богоборец, царь-еретик, царь-поэт поддался очарованию им самим же созданного культа и стал фанатиком бога, который хотя и существовал прежде, но не обладал теми чертами, какие придал ему этот яростный солнцепоклонник? Что вдохновленный своим воображением фараон в некотором роде предвосхитил историю влюбившегося в собственное творение Пигмалиона?

Человеческая натура – причудливая вещь, и эта причудливость очень ярко воплотилась в Аменхотепе IV.

Имя *Аменхотеп*, что означало «Амон доволен», на пятом году царствования царь сменил на имя *Эхнатон*, означавшее «Полезный Атону», и провозгласил главным божеством Солнце – подателя жизни, владыку всего сущего на земле. Культы остальных богов были запрещены, многочисленные жрецы остались не у дел, утратив привычное высокое положение. Но даже те жрецы и высшие сановники, которые вслед за фараоном начали поклоняться Атону, уже не могли рассчитывать на восстановление своего бывшего влияния.

Культ Атона был неразрывно связан с культом самого царя; как солнце в зените возвышалось над землей, так и Эхнатон возвышался над всеми своими подданными. Фараон объявил себя возлюбленным сыном солнечного светила и потребовал не только царских, но и божественных почестей. Один лишь Эхнатон – и никто иной – мог общаться с богом, всем остальным полагалось обращаться с молитвами уже к царю. «Дозволь мне всегда насыщаться лицезрением тебя!» – льстиво просил хитрый сановник Эйя, сам будущий фараон, у Эхнатона.

Насыщаться лицезрением царя его подданные могли во время религиозных церемоний в новой столице Эхнатона – Ахетатоне (Горизонте Солнца). Фараон велел построить между Фивами и Мемфисом город с великолепным храмом Атона, с многочисленными государственными учреждениями, с кварталом ремесленников, с богатыми домами знати и, покинув логово ненавистных фиванских жрецов, навсегда перебрался в Ахетатон.

Эхнатон и его жена Нефертити, как божественная чета, вместе возглавляли торжественные церемонии, посвященные солнечному светилу; сохранились рельефные изображения грандиозных праздников, во время которых царь изливал свои милости на принявших новую веру людей, так же как Солнце-Атон изливало благодетные лучи на землю.

Само собой разумеется, новая религия далеко не всем пришлась по вкусу; не только жрецы старых богов, но и большинство простых людей не захотели отречься от прежней веры. Однако культ Атона наверняка приобрел и достаточно приверженцев – кто-то искренне уверовал в солнечное божество, а кто-то соблазнился милостями фараона. Эхнатон, порвавший со старым жречеством, приблизил к себе много незнатных, «служилых», людей; недаром в ту пору были очень популярны имена, означавшие в переводе «Эхнатон меня сделал»...

К тем же, кто не пожелал уверовать в бога-Солнце, фараон был беспощаден. Земное светило могло не только даровать блага, но и опалить! Стоит вспомнить надпись в гробнице Туту: *«Всякий ненавистный попадает на плаху... он подпадает мечу, огонь пожирает (его) плоть... Обращает он (Эхнатон) мощь свою против тех, кто игнорирует учение его, милости свои – к тем, кто знает его».*

Безжалостный к противникам своего вероучения, но выстроивший святилище для своей матери, царицы Тэе, которая, по-видимому, осталась верна старым богам; велевший предать пленных нубийцев мучительной казни,²⁵ но нежно любивший жену и шестерых дочерей; поставивший внешнюю политику Египта на грань катастрофы, но создавший одно из самых поэтических произведений древности – «Гимн Атону» – каким он был, фараон-еретик? Его личность до сих пор ставит в тупик многочисленных исследователей «периода Амарны», вызывая столько противоречивых толков, сколько не вызывает личность никакого другого фараона. Сама внешность Эхнатона, с чересчур широким тазом, выпуклым животом, выступающими грудями, странно вытянутой головой так и провоцирует на догадки одну невероятнее другой. Эхнатона называли душевнобольным человеком, эпилептиком, оскотленным пленным нубийцем, гермафродитом, больным синдромом Фрелиха и даже... женщиной!

Страсти бушуют и по сей день; их еще больше подогревает то, что мумия Эхнатона до сих пор не найдена, знаменитая гробница 55 в Долине царей, сохранившая, как полагали одно время, мумию царя-еретика, теперь считается гробницей одного из приближенных Эхнатона – Сменхкары.

Зато раскопки в городе солнца – Ахетатоне добавили много штрихов к портрету этого неординарного человека.

Эхнатону (и мастерам, которые трудились над украшением его столицы) впервые удалось преодолеть застывшие каноны древнеегипетского искусства, показав человеческие фигуры в иных ракурсах, с иными пропорциями, чем это делалось из века в век. Очень часто в «амарнском искусстве» встречаются пейзажные мотивы, отличающиеся необыкновенным реализмом. Во дворце царя пол и стены были расписаны под «живую природу»: заросли папируса, цветы, выходящая по полу тропинка, парящие в небе птицы...

В рельефах, посвященных семейной жизни фараона, решительно преобладает романтизм. Вновь и вновь показывается нежная любовь Эхнатона и Нефертити друг к другу и к своим дочерям. Фараон и его жена в сопровождении играющих на сестре маленьких принцесс подносят цветы солнцу, протягивающему им в руках-лучах знак жизни «анх», они целуют своих детей, играют с ними, держат их на коленях... Еще никогда в египетском искусстве не встречалось таких пронзительно-трагических сцен, как оплакивание царской четой их умершей дочери. И немного в литературе Египта найдется столь ярких и талантливых произведений, как «Гимн Атону», обнаруженный в гробнице Эйи:

Великолепен, Атон, твой восход на горизонте.

²⁵ Их посадили на кол.

*Живой солнечный диск, положивший жизни начало,
Ты восходишь на восточном горизонте,
Красотою наполняя всю землю.
Ты прекрасен, велик, светозарен и высок над землею,
Лучами ты обнимаешь пределы земель, тобой сотворенных...*

.....
*Ты заходишь на западном горизонте – земля во мраке, как мертвые
Спят люди, с головою укрывшись, не видя друг друга.
Их обирают грабители, они не слышат.
Из логовиц львы выходят. Змеи жалят во мраке.
Земля безмолвствует. Творец ее за горизонтом.
Земля расцветает, когда ты восходишь на горизонте,
Мрак разгоняя лучами.
Обе земли в ликовании.
Обе земли торжествуют.
Пробуждаются люди...*

.....
*Птицы из гнезд вылетают,
Взмахами крыльев душу твою прославляя.
Скачут, резвятся все твари с каждым твоим восходом.
Плывут корабли на Юг и на Север.
Любые пути открыты в твоем сиянье.
Рыба в воде играет, на свет твой выходит,
Ибо ты пронцаешь лучами глубины.
Животворишь младенцев в материнских утробах.
Даешь рожденным дыханье и им уста отворяешь.
Зародыш в яйце тебя, Атон, славословит,
Птенец в яйце жив тобою.
Сквозь скорлупу ты его насыщаешь, даруешь дыханье.
Ее пробивая клювом, к тебе он стремится
На шатких ножках.
Человеку твоих творений не счесть:
От глаз они скрыты.
Ты земли создатель, ее наполняешь жизнью,
Все, кто на ногах своих ходит,
Кто парит над нею на крыльях,
Каждого, где бы он ни жил,
Ты судьбой наделяешь.
Пусть языки различны, разного цвета кожа,
Всех одаряешь пищей, жизни конец назначаешь.
Нил сотворен тобою в глубинах подземных.
Он выведен по твоему желанью
На благо Египту...*

.....
*Ты един во многих обличьях, солнечный диск животворный,
Пылающий, сверкающий, далекий и близкий,
Нет числа твоим проявлениям.
В моем пребываешь ты сердце.
У тебя сыновей мириады,*

*Но я, Эхнатон, правдой живущий,
Единственный в твои посвященный тайны,
Твое постигший величье.
Ведаю я, что землю ты создал
Своей могучей рукою,
Что люди – твое творенье:
Поднимаешься ты – они живы, спрячешься – умирают.
В тебе дыхание жизни. Ты украшаешь землю.
Людей от сна пробуждаешь для службы царской,
Делаешь слугами сыну, владыке обоих Египтов
И возлюбленной им Нефертити,
Царицы земель обеих.
Да будет она жива, молода и здрава
Вечные веки.*

Ахетатон современники называли «небесным видением» и, как любое видение, он не просуществовал долго. После смерти Эхнатона его столица пришла в упадок, и вскоре «великий очарованием, приятный красотой для глаз» город полностью обезлюдел и был занесен песками.

Само имя Эхнатона безжалостно искоренялось теми, кто спешил вернуться к прежней вере, к прежним богам. Сменхкара, преемник фараона-еретика, перенес столицу обратно в Фивы и принялся восстанавливать поврежденный солнцепоклонниками храм Амона. А полный реванш за перенесенные испытания фиванское жречество взяло при молодом фараоне Тутанхамоне, муже одной из дочерей Эхнатона, Анхесенпаамон.

Фараон Тутанхамон и археолог Говард Картер

Тутанхамон взшел на трон девяти лет от роду, называясь в ту пору *Тутанхатон*. Но впоследствии царь изменил свое имя, отрекшись тем самым от солнечной ереси и провозгласив верность прежнему богу – Амону. Надпись на одной из стел в Карнаке рассказывает о том, что молодой фараон, видя зло, в которое вверг страну нечестивый богоборец Эхнатон, исполнился решимости поднять из развалин храмы, вернуть в Та-Мери изгнанных богов, восстановить в должностях знатных людей и их сыновей, вернуть жрецам отобранные богатства.

Насколько инициатором этих деяний был сам Тутанхамон, а насколько – наиболее влиятельное лицо при его дворе, сын кормилицы Нефертити, сановник Эйя, точно предельно сейчас невозможно. Точно так же невозможно сказать, какими свершениями могло бы быть отмечено царствование зятя Эхнатона в дальнейшем.

Тутанхамон скончался в возрасте восемнадцати лет, так и не успев прославиться ни в войне, ни в политике, ни в строительстве.

Ранняя смерть царя не дала даже времени подготовить ему достойную гробницу, поэтому фараона похоронили в скромном склепе, вход в который оказался впоследствии завален мусором и скрыт под хижинами рабочих, строивших неподалеку усыпальницу для Рамсеса IV. Именно это обстоятельство – какая ирония судьбы! – и сохранило гробницу Тутанхамона нетронутой, сделав имя восемнадцатилетнего царя в наши дни более знаменитым, чем имена всех его великих предшественников и преемников.

А вместе с Тутанхамоном прославился на весь мир археолог Говард Картер, родившийся спустя три с лишним тысячелетия после кончины юного фараона и давший такую сжатую характеристику его царствования: «При нынешнем состоянии знаний мы можем с уверенностью сказать только одно: единственным примечательным событием его жизни было то, что он умер и был похоронен».

Еще одной иронией судьбы можно считать то, что самое сенсационное открытие в археологии имело своей первопричиной автомобильную катастрофу. Когда богатый человек, спортсмен, любитель бегов и антиквариата лорд Карнарвон перевернулся в машине и помимо других ранений получил серьезное повреждение дыхательных путей, он, конечно, и подумать не мог, что это событие будет иметь для него какие-то положительные последствия. Но именно так и случилось. Вынужденный из-за болезни сменить английские туманы на более теплый климат, лорд Карнарвон в 1903 году приехал в Египет, где обрел главное увлечение своей жизни.

Долина царей, которую посетил Карнарвон, напоминала в ту пору Клондайк времен золотой лихорадки. Там копали все и повсюду – и азартный англичанин, конечно, не смог остаться в стороне от дела, оказавшегося куда более увлекательным, чем скачки или автомобильные гонки. Лорд Карнарвон всерьез увлекся археологией, но, сознавая, что его познаний в этой области недостаточно, обратился за помощью к начальнику Управления раскопками и древностями профессору Масперо, а тот порекомендовал ему молодого ученого Говарда Картера.

Картер обладал всеми качествами серьезного археолога: выдержкой, дотошностью и добросовестностью, которые сочетались в нем с одержимой увлеченностью своим делом. Во всяком случае, его считали одержимым все те, кто были уверены, что ничего значительного в Долине царей найти уже не удастся. Разве не перевернули здесь все вверх дном сначала Бельцони, за ним – Лепсиус, а потом их многочисленные последователи? Да на этой огромной свалке нет ни камушка, который не был бы перемещен с места на место по меньшей мере трижды!

Невзирая на подобные доводы, Говард Картер год за годом продолжал упорные поиски укрывшейся от других исследователей гробницы. Причем не просто какой-то ненайденной гробницы, а именно захоронения Тутанхамона! Опираясь на некоторые археологические находки, Картер пришел к выводу, что где-то неподалеку от таинственной гробницы 55 должна находиться усыпальница этого юного царя.

И вновь коварная судьба решила сыграть злую шутку – открытие гробницы Тутанхамона могло бы совершиться на шесть лет раньше, если бы Картер и Карнарвон не прервали раскопки у подножия усыпальницы Рамсеса III и не перенесли их в другое место Долины царей.

Тот, кто сможет представить себе гигантский труд Картера и его помощников, вереницу надежд и разочарований, сопровождавших их на этом пути, поймет, что работа людей, двадцать лет пытавшихся под горами щебня и мусора отыскать частицу живой истории Египта, превыше всех воинственных деяний Тутмоса III и Рамсеса II.

Только в 1922 году Картер вернулся наконец на прежнее место раскопок и начал сносить лачуги рабочих – то была, как говорится в авантюрных романах, его последняя надежда... А дальше все случилось именно так, как и случается в подобных романах: уже на следующий день была найдена каменная ступенька, и вскоре перед лихорадочно работавшими людьми предстал вход в запечатанную гробницу. В *запечатанную*! Значит, была надежда, что в нее не удалось проникнуть древнеегипетским грабителям и их мусульманским последователям! Убедившись, что перед ним и впрямь какое-то важное захоронение (но чье – царя? высокопоставленного сановника? какого-нибудь высшего жреца?), Говард Картер совершил один из самых невероятных подвигов в истории археологии – вместо того чтобы немедленно вскрыть гробницу и увидеть результаты своих многолетних титанических трудов, он послал телеграмму в Англию отсутствовавшему в ту пору лорду Карнарвону: «Наконец удалось сделать замечательное открытие в Долине. Великолепная гробница с нетронутыми печатями; до Вашего отъезда все снова засыпаю. Поздравляю».

И он действительно все засыпал, так и не увидев оттиска печати Тутанхамона на двери – и ждал еще 20 дней приезда компаньона, чтобы наконец-то встретить свой звездный час, к которому он шел нескончаемо долгие годы. Тот миг, когда, проделав отверстие во второй двери гробницы, Картер при свете свечи увидел золотой трон, черные статуи диковинных зверей и

алебастровые вазы, был наградой за все тернии, через которые археологу пришлось пройти на пути к звездам.

И тут сказала одна из самых замечательных сторон натуры Говарда Картера. Да, так же как и одержимый поисками Трои Генрих Шлиман, английский археолог увидел осуществленными самые безумные свои мечты. Но, по счастью, в отличие от Шлимана, он не бросился в спешке вытаскивать найденные сокровища, ломая и увеча то, что при беглом взгляде могло показаться малоценным по сравнению со сверкающим повсюду золотом. Картер знал, что в этой гробнице бесценным является абсолютно все, что любая спешка может иметь непоправимые последствия. И он действовал так осторожно и бережно, как только мог. Содержимое одного лишь деревянного ларца из гробницы Тутанхамона вынималось в течение трех недель; каждая самая мелкая находка тщательно описывалась и фотографировалась.

Справедливости ради стоит сказать, что в ту пору Картеру помогали уже десятки специалистов, тогда как Шлиман копал всего лишь при помощи чернорабочих, своей жены и томика Гомера в качестве справочного материала. Но даже будь в распоряжении Картера те же скудные средства, что и у немецкого энтузиаста, он, несомненно, не допустил бы такого варварского уничтожения культурных слоев, какое допустил Шлиман. И дело здесь вовсе не в том, что Картер был профессиональным археологом, а Шлиман – нет. Дело в самом подходе к археологическим изысканиям, в осознании того, что прошлое реконструируется из множества мелочей, которые только профану могут показаться пустячными; в понимании того, что акт уничтожения ценностей, извлеченных из-под спуда веков, уже необратим.

Археологи до сих пор рвут на себе волосы по поводу погибших стен «Трои У1», пошедших на строительство барачков для рабочих Шлимана и даже не зарисованных перед тем, как их разобрали. По едкому выражению одного из ученых, Шлиман довершил дело Агамемнона, начисто разрушив Трою Приама...

Но гробнице Тутанхамона подобное не грозило. Работы в ней продолжались несколько лет, со всей возможной тщательностью и аккуратностью, то и дело принося исследователям все новые удивительные находки. Только в 1927 году, увы, уже после безвременной смерти лорда Карнарвона, Картер открыл наконец царский саркофаг, чтобы приступить к исследованию мумии царя. Скульптурное изображение Тутанхамона, украшавшее внутренний золотой гроб, известно теперь всему миру. Но не меньшее (а может, и большее) впечатление на всех, кто присутствовал при вскрытии саркофага, произвел венок из простых полевых цветов, лежавший поверх сверкающей золотой крышки.

Этим венком простилась со своим супругом юная вдова Анхесенпаамон, имя которой мы еще вспомним, когда речь пойдет о другой могущественной державе тех времен – Хеттской...

А пока бросим беглый, очень беглый взгляд на некоторые предметы, обнаруженные Картером в гробнице Тутанхамона. Среди прочих произведений искусства там был найден трон со спинкой, инкрустированной драгоценными камнями, с изображением Тутанхамона и его жены под лучами благодатного солнца. Четыре позолоченных колесницы, украшенные орнаментом и рисунками, покрытые инкрустациями из фаянса и камня, – побывавшие в гробнице древнеегипетские грабители разломали эти колесницы на части но, по счастью, не унесли их. Четыре деревянные позолоченные статуэтки богинь-охранительниц, стороживших саркофаг покойного царя – на их прекрасные печальные лица невозможно смотреть без волнения. Деревянный расписной ларец с изображениями сцен охоты и войны – как мы знаем, на разборку содержимого этого ларца ушло три недели. Статуэтка Тутанхамона на спине черной пантеры – трудно сказать, в ком больше грации и изящества, в юном фараоне, сжимающем длинное копье, или в черном, мягко ступающем звере. Три больших ложа с изображениями звериных голов. Статуи звероголовых богов в золотых передниках, с палицами и жезлами, грозные стражи первой комнаты гробницы. Драгоценности, алебастровые вазы, оружие, одежда, бесчисленные

украшения – на одной только мумии фараона Картер насчитал сто одну группу украшений, описание которых заняло в его книге около 15 страниц...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.